

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева

Книга вторая. Мальчик-убийца

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Воронцов

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева

Александр Воронцов

**Прийти в себя. Вторая жизнь
сержанта Зверева. Книга
вторая. Мальчик-убийца**

«Автор»

2019

Воронцов А.

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева. Книга вторая.
Мальчик-убийца / А. Воронцов — «Автор», 2019 — (Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева)

ISBN 978-5-532-99471-3

Украинский журналист Максим Зверев во время гражданской войны в Украине, оказавшись под артобстрелом, внезапно перемещается в прошлое и попадает в самого себя – одиннадцатилетнего подростка. Однажды одиннадцатилетний пионер привлекает к себе внимание милиции и КГБ. Столкнувшись с вооруженными бандитами, Максим убивает одного бандита и калечит другого. Местный «смотрящий» вор в законе отдает приказ привести к нему необычного мальчика. В то же время экстрасенсы, состоящие на службе в секретном подразделении КГБ, докладывают руководству о том, что советский школьник - вовсе не школьник...Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99471-3

© Воронцов А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая. Старики-разбойники	5
Глава вторая. Смертельная рука	10
Глава третья. Без прошлого нет будущего. И наоборот	15
Глава четвертая. Киборг из нашего города	21
Глава пятая. Гений самбо	29
Глава шестая. Звезда четвертого «Г»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Воронцов

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева. Книга вторая. Мальчик-убийца

Глава первая. Старики-разбойники

Такого город еще не видел...

Несмотря на то, что газеты постоянно писали о снижении роста преступности в СССР, преступность никуда не исчезала. Нет, возможно, она и не росла, как правильно заявляли партия и правительство, но кто тот рост мерил? Какими измерительными приборами? Поэтому, бывало, и прохожих грабили, и квартиры обносили, и магазины «чистили». Правда, случалось это не так, чтобы часто. Потому что профилактику органы внутренних дел осуществляли, участковые свой контингент знали и постоянно территорию обходили, сексоты «стучали», то есть, информировали органы. Так что в криминальных сводках большая часть преступлений была из разряда «бытовых»: то по пьяни подрались, то муж жене наkostenял, то авария какая-то... Ну, и малолетки иногда «рисовались», хулиганили. Серьезный криминал особо не высывался. Чаще «работали» «гастролеры». Так сказать, «на выезде». А чтобы сберкассу «подломить» – это вообще событие для города на Днестре. То есть, хоть и редкое, но значительное.

Только вот чтобы родная милиция вовремя успела среагировать на такое событие – такое случалось еще реже. Пока приедет бригада на вызов – грабителей и след простыл. А на месте преступления кого задержать или подстрелить – это только в импортных детективах так бывает. У нас было все проще, обыденнее – приехали, допросили, опросили, сфотографировали, пальчики сняли, протоколы написали и уехали. Долго потом еще тянется канитель, пишутся бумаги, летят запросы. И если в течение двух-трех недель никого не найдут – все, глухарь. Висяк.

Но только не в тот раз...

Всякое случалось в Днепропетровске. Были и грабежи, и кражи, и даже убийства. Все было. А чтобы подросток не только задержал матерых грабителей прямо на месте преступления, но и при задержании убил одного из них, а второго покалечил – о таком даже в детективах никто не додумался написать. По крайней мере, в советских. Да и в зарубежных, наверное, тоже. И как убил? Голыми руками! Это в Советском-то Союзе? Прямо, какой-то малолетний Джеймс Бонд!

В общем, город гудел, слухи ходили – один нелепее другого, но самое необычное – все эти слухи были более скромными, нежели реальность. Реальность была намного страшнее...

Но об этой реальности никто так и не узнал – всю информацию о событиях того страшного дня очень быстро засекретили, причем, на уровне Комитета государственной безопасности, а не милиции. А для МВД был издан секретный приказ, который отныне предписывал, во-первых, во всех отделах внутренних дел вооружить дежурную смену автоматами Калашникова, во-вторых, выходить на патрулирование города только с табельным оружием, а в ночное время патрули усиливать до трех милиционеров, причем, третий должен быть вооружен так же автоматом Калашникова.

И никто не знал, что причиной появления этого приказа был обыкновенный четвероклассник. Точнее, не обыкновенный...

...Максим Зверев, одиннадцатилетний советский школьник, не собирался никого убивать. Конечно, он прекрасно осознавал, что все-таки является не совсем обычным мальчиком. Точнее, не совсем мальчиком... И даже совсем не обычным. Потому что обычный мальчик

никогда бы не смог, даже будь он чемпионом Советского Союза по боксу – среди юношей, конечно – так вот, даже в этом случае не смог бы он одолеть двух вооруженных бандитов. А Максим одолел! Еще как одолел!

Убивать – этого в его планах не было. Самоутверждаясь в классе, а потом и в школе, стремясь «поставить» себя в драках с местным хулиганьем или боксируя в ринге, он четко соблюдал принцип «не навреди». Понятное дело – сознание взрослого мужика в теле подростка всегда контролирует его поступки. Тем более, если это не просто мужик, а опытный журналист, мастер единоборств, спецназовец, командир диверсионно-разведывательной группы и прочая, и прочая...

Но ведь чертовски трудно иногда определить меру, которой нужно отмерять подносящему тебе, особенно, если подносят вовсе не дары! Психологически трудно дозировать принцип «зуб за зуб», особенно если раньше, в прошлой жизни, привык отвечать ударом на удар и бить в полную силу. Ведь привычка убивать противника сразу, чтобы он не убил тебя – она настолько глубоко въелась в подсознание, что и в теле маленького самого себя Максим Зверев иногда мог не сдержать возникающую ярость. Не бешенство, не неистовство, а именно холодную и расчетливую ярость бойца, которая помогала ему идти на нож и на ствол. Только не подставляя грудь, а мгновенно уходя с линии атаки, тут же оказываясь перед противником. И ощущать, как входит в него твой нож. Или как ломает его кости твой кулак.

Максим чувствовал, что порой ведет себя, как отлаженная боевая машина. Эти рефлексy – опередить, сблизиться, уничтожить – были, что называется, прошиты в его матрице, поэтому одиннадцатилетний пионер иногда совершенно автоматически мог совершать действия, которые не имели времени на их обдумывание. Особенно, если времени не было вообще.

В сберкассе все произошло практически мгновенно.

Макс оказался там совершенно случайно. Ведь он знал – несовершеннолетние не могут иметь сберкнижку и делать вклады. Это должны были делать только его родители – скажем, «завести» на него сберкнижку и потихоньку копить там деньги на его совершеннолетие. Банков ведь в СССР не было, точнее, были, но не для всех. Был только Госбанк, и вот в его ведение были переданы государственные трудовые сберегательные кассы. В которых хранили свои сбережения трудящиеся СССР.

И нетрудящиеся, кстати, тоже.

Он в тот день шел в гастроном, который находился на первом этаже двухэтажного комплекса, которые позже почему-то станут называть торговыми. На втором этаже был ресторан «Рубин», а слева от входа в ресторан – сберегательная касса. И дернул же его черт зайти в эту провинциальную районную сберкасса! Просто хотел глянуть, что это за контора, спросить – может ли он распорядиться своими деньгами, если придет с родителями и так далее. Потому что денежный вопрос уже начинал беспокоить...

Как оказалось, кроме него были еще люди, которых тоже беспокоил денежный вопрос. Причем, настолько серьезно беспокоил, что они стали решать его немедленно. И кардинально.

Зверь стоял прямо у входа, раздумывая, кого бы тут спросить, когда дверь резко распахнулась, и в помещение залетели двое каких-то мятых мужиков. Судя по всему, они были на «взводе» – как пишут в протоколах, «в нетрезвом состоянии».

– Всем оставаться на местах! – картинно проорал первый, одетый во все черное, прямо, как работник похоронного бюро. Во рту у него блеснула золотая фикса¹

– Кто дернется – пристрелю, – угрожающе каркнул второй, кряжистый мужик в белой летней шляпе, цветастой «шведке»² и мятых белых брюках, в руках у которого был пистолет.

¹ Коронка из металла. Золотые коронки носили очень многие, в воровской среде предпочитали коронки из нержавеющей стали – они были гораздо дешевле.

² Так во времена СССР в 70–80-х называлась рубашка с короткими рукавами.

«Тэтэха»³, – отметил про себя Зверь. – «Для 76 года нормальный ствол, хотя может и заедать, уже старенькие, небось, с войны еще».

«Всех», которым оставаться на местах, было всего-то четыре человека – две женщины, по виду домохозяйки, старичок-пенсионер и Максим Зверев, одиннадцатилетний пионер. Грабители – а кому б еще пришла в голову мысль заскакать в сберкассе с пистолетом – особо не отвлекались ни на деда, ни на пионера, сосредоточив все свое внимание на женщинах, которые могли закричать. Но те, напуганные до смерти, сжались у конторки, а за стеклом точно так же скукожилась от страха молодая девушка-операционистка.

– Так, быстро собрала капусту, все что есть, медяки не надо, крупняк весь давай сюда, – «черный» с фиксой кинул на конторку какой-то мешок.

Девушка закивала мелко-мелко головой и стала дрожащими руками вытаскивать из кассы купюры. Фиксатый нетерпеливо махнул рукой своему напарнику и тот подошел ближе к нему. Макс, видя, что наблюдение за ним не ведется, скользящим шагом переместился ближе к двери.

План у него в голове созрел мгновенно. Понятное дело, что стрелять грабители не будут – девушка-кассир отдаст им деньги, сигнализации нет, милиция не приедет, а дедок-пенсионер и две клуши – не повод для стрельбы. Поэтому минуты через три злодеи будут выходить из помещения сберкассе. Двери непрозрачные, к тому же открывается только одна дверь, вторая закрыта наглухо, то есть, проход узкий. К тому же двери двойные, то есть, между ними – узкий тамбур. Значит, будут проходить по одному и никакого сопротивления оказать не смогут. И вот здесь можно будет их аккуратно вырубить.

Зверь знал, что даже в теле одиннадцатилетнего мальчишки по-прежнему может одним ударом «выключить» практически любого человека. И сила удара – не главное, главное – точность. Потому что даже нокаутирующие удары наносятся не массой тела. Важна точность попадания в нужную зону или точку, а также жесткость и хлесткость удара. Нужен взрыв, энергетический выброс. Боксеры это делают бессознательно, а вот у китайцев, корейцев, японцев это поставлено на поток, там такие удары учат наносить осознанно. Впрочем, даже если не брать в расчет технику бокса, есть на теле человека масса энергетических центров, которые, если нанести в них любой удар, моментально блокируют жизненно важные функции человека, такие, как дыхание, сердечная деятельность и так далее. Пах у мужчин – это всем известная болевая точка. А таких точек еще очень и очень много. Так что пара ударов плюс эффект неожиданности...

Макс незаметно просочился за дверь, выскользнув, как ящерица, и притаился снаружи. Однако он просчитался – его исчезновение заметили...

– Медведь, пионера держи, быстро, а то лягавка тут недалеко, придержи только, не покалечь, не хватало нам тут еще заляпаться... – бросил фиксатый бугаю.

Тот кивнул и, передав напарнику пистолет, двинулся за дверь.

Когда дверь открылась, и мужик в шведке вышел из сберкассе, Макс был не совсем готов. Но, как говорится, мастерство не пропьешь – среагировал он мгновенно. Когда вышедший, обернувшись вправо, сразу его увидел, Макс, немного изменив первоначальный план, нанес ему сильный удар ногой в пах и тут же – когда мужик сложился пополам, ударил кулаком его в верхнюю челюсть точно под ухо. Мужик успел только как-то утробно хэкнуть, после чего стал похож на сдувающийся воздушный шарик, поскольку с каким-то сипением просто осел на пороге и остался полулежать, опираясь на открытую дверь. А поскольку двери были двойные, то внутри помещения никто не видел, что же произошло снаружи.

³ ТТ – (сокр. от Тульский, Токарев) первый армейский самозарядный пистолет СССР, разработанный в 1930 году советским конструктором Фёдором Васильевичем Токаревым.

Внутри же события разворачивались в ускоренном режиме – фиксатый забрал мешок, в который девушка-кассир собрала все купюры, бывшие в кассе, и собрался было идти на выход. Но что-то его насторожило. Видимо, он считал, что его напарник должен был вернуться с выскочившим пацаном. А если этого не произошло...

В общем, главный грабитель взял пистолет наизготовку и медленно пошел к выходу. На тех, кто оставался в сберкассе, он уже внимания не обращал. И зря. Потому что дедок-пенсионер, который, казалось, был испуган и прижался к стене, на самом деле просто выжидал удобный момент. И когда грабитель повернулся к нему спиной, пенсионер схватил какой-то цветок, что стоял на подоконнике в горшке, и с силой опустил грабителю на голову. Горшок с шумом раскололся, по полу разлетелись осколки, земля и ошметки цветка, а преступник с размаху сел на пол. Но сознание не потерял и даже пистолет не выронил. Наоборот, во время удара он успел машинально нажать на спусковую скобу и раздался выстрел. К счастью, пуля никого не задела.

Когда в сберкассе прогремел выстрел, Зверь моментально рванул туда. Но в дверь он заскочил на четвереньках, стараясь сразу сбить с толку предполагаемого стрелка. И это ему удалось – фиксатый не ожидал, что после того, как откроется дверь, цель будет на уровне пола. Поэтому вторая пуля ушла в косяк на уровне груди взрослого человека или на уровне головы мальчика. А сам Максим, перекатившись к стрелявшему грабителю, оказался с ним лицом к лицу. И из положения сидя он сразу нанес три удара – кулаком левой руки по руке с пистолетом и ребром правой – по горлу стрелявшего. Точнее, не ребром, а промежутком между большим и указательным пальцем правой руки, такой как бы римской цифрой «пять» – V... Третий удар был не совсем ударом – Макс скорее взял руку, в которой был пистолет, в захват. Но это уже было лишним – фиксатый, выронив пистолет, захрипел и завалился назад. И все же пионер для страховки вlepил ему коленом в висок. Грабитель дернулся и затих, вытянувшись в неестественной позе.

– Ну ты, пацан, даешь. Ты ж его уконтрапунктил... – пенсионер, отряхивая руки от земли, которая осталась от расколотого горшка с цветком, подошел к лежащему телу.

– Чего я сделал? – Макс все еще находился на боевом взводе и с трудом возвращался в обычное состояние.

– Чего-чего... Убил ты его – вот чего!

– С чего Вы взяли, дедушка?

– Да уж поверь, я за войну столько покойников повидал, что сразу вижу – помер или нет. Ты зачем ногой его в голову, он и так был уже готов. И пистолет ты выбил... – дед внимательно посмотрел Макс в глаза. – Ты откуда такой прыткий? Заморыш такой, а двоих матерых блатных уложил. Я так понимаю, тот, второй, тоже жмур?

– Думаю нет, я бил так, чтобы вырубить, а не убить, – Зверь только сейчас понял, что сам создал себе проблемы.

– Ты прямо какой-то инопланетянин. Или робот. Я вообще не понимаю – это ты сделал или кто еще? Если б сам не видел своими глазами – не поверил бы. Ну, ладно, этого-то мог вырубить, вона как ты его ногой треснул, а того бугая как ты мог приземлить? Он же тебя одной левой мог в лепешку раскатать?

– Этого, как я понимаю, Вы уже на задницу посадили? А я только добил. Того бугая несложно было – яйца есть даже у слона, – улыбнулся Макс.

– А, ну да, яичницу сделал, – понимающе усмехнулся дед.

– Потом уже ногой по голове, как этому, – продолжил Зверь.

– У тебя, паря, не нога, а кувалда. Футболист что ль?

– Не, боксер. И самбист.

– А, ну, тогда понятно. У нас на фронте были такие... в разведзвезде... самбисты, боксеры. Правда, больше ножичком, по-тихому работали, но тоже показывали приемчики... Тебя кто, папа учил?

– Не, дед... Он почетный чекист, тоже воевал, и потом служил в МГБ... – Макс понимал, что легенду с дедом пора вытряхивать, потому что в милиции точно припрут к стенке.

– Понятно. Я в войну много чего видел, и таких пацанов как ты, тоже. Но чтобы вот так, голыми руками здоровых мужиков – такого даже на войне не встречал... – дед все еще был в сомнениях.

Картина была почти сюрреалистическая – на полу в советской сберкассе лежал труп, над ним стояли старик, который помог трупу стать трупом, и одиннадцатилетний мальчик, который, собственно, и сделал из человека покойника. При этом, как ни странно, оба были спокойны, даже чересчур, и обсуждали технику превращения живого человека в покойника и способы осуществления этого процесса.

Но не все имели такую нечеловеческую выдержку. Пока пионер и пенсионер разговаривали, стоя над трупом, очнулись женщины. Это стало понятно после того, как они внезапно, почти синхронно заголосили. Старик поморщился.

– Чего разорались? Все уже, давайте, звоните в милицию, пусть приезжают и забирают... Хотя... И в «скорую» звоните, пусть едут. Одному точно помощь понадобится, – дед понимающе подмигнул Максу.

Девушка-кассир стала трясущейся рукой накручивать диск телефона, а Макс вышел посмотреть на того, кого он вырубил первым. Тот все еще не подавал признаков жизни. Но прошло всего-то минуты три-четыре, не больше.

«Если я правильно ему попал, то минут десять шок продлится, если не больше. Удар в пах – болевой шок, а второй, в челюсть – это уже и шок, и сотрясение мозга... Как бы я ему челюсть не сломал», – Макс просчитал все варианты и понял, что в милиции придется частично раскалываться.

Впрочем, рано или поздно он бы все равно оказался в отделении, и хорошо, что в качестве героя, а не в качестве задержанного за драку или еще что-нибудь...

Глава вторая. Смертельная рука

– Да ты понимаешь, что такого просто не может быть?! Худенький мальчуган, которому только одиннадцать лет, за несколько минут завалил двоих матерых рецидивистов, один из которых – вор в законе, а второй – мокрушник⁴, да еще и кабан стокилограммовый, а этот одуванчик его срубил двумя ударами! Ты можешь в такое поверить? Я – нет! – начальник Красногвардейского РОВД майор Анатолий Шарапа с силой хлопнул по своему столу папкой с оперативными сводками по району.

– Толик, да ты не кипятись. Откуда ты знаешь, как там на самом деле все было? Мы еще свидетелей не опрашивали, и на месте не были. Вернее, ты не был – я был, – начальник уголовного розыска «Красногвардейки» майор Красножон был спокоен и деловит.

– Ну, и что ты там видел? Чего наскреб? – Шарапа, шумно выдохнув, сел за свой стол и снова стал просматривать очередную сводку.

– Ну, по горячим следам уже нечего было скрести... Вернее, одного из грабителей пришлось отскрести от стены – знатно ему вlepили, к приезду опергруппы только в сознание пришел. У него, кстати, предварительно, диагностировали перелом челюсти.

– Ничего себе. Это у Медведя-то?

– Вот именно! И, по предварительным данным, этот перелом обеспечил ему именно тот самый сопливый пацан, одиннадцатилетний ученик четвертого класса 31-й средней школы. Его фамилия Зверев. Кстати, уже двенадцатилетний – четвертого ноября отмечал. О нем я тебе чуть позже отдельно расскажу.

– Почему позже и отдельно? – начальник РОВД насторожился.

– Потом поймешь. Все свое время. Так вот, пока опергруппа работала, я подскочил. Сам понимаешь – вооруженный налет на сберкассу, да еще и днем, да еще и такой расклад, когда простые граждане задерживают грабителей – это ЧП!

– Да еще когда при этом одного вооруженного грабителя убивают, в другого калечат... – ехидно продолжил майор Шарапа.

– Когда меня вызванивали, такие подробности еще никто не знал. Это ограбление и задержание грабителей само по себе было причиной моего срочного выезда. Ты не ехидничай, ты слушай дальше, я ж тебе постепенно все разматываю, чтобы веру твою укрепить, атеист ты чертов! – Красножон хохотнул.

– Ага, тебя послушать – так без твоего Господа не обошлось? – снова съязвил начальник райотдела.

– Господь – не мой, и не твой, он общий. И, потом, не я верующий, а жена моя, сколько тебе можно объяснять? Я как бы нейтральная сторона – и верю, и не верю. Столько раз под пулей был, иногда хочешь – не хочешь, а поверишь. Ты слушать будешь или нет? – возмутился начальник угрозыска.

– Все, давай, только, по существу.

– Ага, по существу... Я, когда коротко допросил на месте свидетелей – кассиршу и двух баб, которые там были во время ограбления, грешным делом – не зыркай, это выражение такое – в общем, подумал, что какое-то существо – да-да, существо – там поучаствовало. Или сущность. Ну, смотри сам – заваливают в сберкассу два уголовника со стажем, причем, один из них – стокилограммовый бугай, да еще и с «вольной», а второй – вор в законе, то есть, тоже не подарок. И через пять минут один – жмурик, второй – в отключке, с переломанной челюстью. Это то, что мне врачи рассказали. И что я мог подумать?

– Ну, конечно, про божественную сущность, да? – не удержался Шарапа.

⁴ Убийство – «мокрое дело», воровской жаргон.

– Или про пришельцев с Марса! – в тон ему ответил Красножон.

– А на самом деле?

– А на самом деле пока неясно. Бабы сказали, что первого уделал дед-пенсионер – он ему горшком с цветами по башке врезал. Но точнее, это был не первый, а второй, потому что первый вышел вслед за тем самым пионером, который его и вырубил. Правда, как все произошло, никто не видел – и кассирша, и те две клуши в один голос заявили, что не заметили, как пацан вышел, но сразу увидели, как Медведь – бугай этот – вышел из сберкасс. И через какое-то время в сберкассу закатился этот колобок.

– Какой такой колобок? – Шарапа в недоумении посмотрел на подчиненного.

– Да такой... тот самый пионер. Он не зашел в двери, а кувырком вкатился, понимаешь?

– Зачем?

– Да вот зачем – второй грабитель вольну после удара по башке не выронил, во время удара машинально выстрелил, слава Богу, никого не задел. А когда дверь открылась, сразу второй раз выстрелил. И если бы пионер зашел – ему бы в башку пуля прилетела. А если бы взрослый зашел – то в грудь. Урка этот, видать, сразу протек все. Опытный, сучара.

– Кстати, установили, кто это?

– Сразу же. Медведя я знаю давно, кстати, и фамилия у него Медведь, Александр Медведь, в прошлом борец, мастер спорта по классической борьбе, хулиганка, два ограбления, три судимости, правая рука вора в законе Андрея Малахова по кличке Мистер Фикс или Фикса, – Красножон заученно отбарабанил данные грабителей.

– Странно, и чего такие опытные и маститые воры поперлись днем внаглую в эту сберкасс. Сколько там тех денег было? – начальник райотдела даже привстал со стула.

– О, так в этом все и дело! Эти два идиота – ну, не знаю, как их по-другому можно назвать – засели в ресторане «Рубин», ну, то ли просто квасили, то ли, разговор какой был – пока не знаю, с информаторами не успел еще поговорить. Но точно установлено – они там в картишки перекинулись. Видать, решили по-быстрому, чтобы нервы пощекотать. Может, просто «на фарт» решили – не знаю. Ну, Фикса – он же азартный, видать, пошла игра, но не пошла масть. Скорее всего, он проигрался и поставил под честное слово. А, сам понимаешь, законник слово обязан держать. Вот он и решил внагляк тут же обчистить кассу, расплатиться и сразу слинять. Их там уже такси дожидалось – заранее вызвали. Но не получилось у них...

– Ну, да, кто ж знал, что такой пацан... Кстати, а пацан что делал в сберкассе? Ему же еще не положено! – Шарапа таки встал со стула и снова стал ходить по кабинету.

– Я ж говорю – допросил только свидетелей, а эти два гаврика – пионер и пенсионер – сидят и объяснительные пишут, не читал еще. Тем более, что оба пишут не так быстро, как хотелось бы.

– И мальчишка, наверное, в шоке...

И тут Красножон рассмеялся. Майор Шарапа с удивлением посмотрел на своего начальника розыска.

– Я что, Анатолий, что-то смешное сказал?

– Так, тезка, не лезь в бутылку, дай до рассказать, – Анатолий Красножон, отсмеявшись, сел за стол и продолжил.

– Посижу, а то уже ноги гудят – столько сегодня набегался... Так вот, насчет шока у мальчика – этот пацан спокойнее нас с тобой будет. Выдержка железная. Мне мой опер шептал на ухо, что, мол пацан типа в шоке, а я глянул – никакого шока и близко нет, он просто спокойный, як двэри. Як казала моя бабця, царство ей небесное.

– Та хорош ты про небесное царство и прочую ерунду! По делу давай!

– Не заводись, я по делу. Так вот, парень, конечно, малость был на мандраже – шутка ли, убить человека. Но я пригляделся – он волновался не потому, что убил, а потому, что мы приехали, понимаешь?

– Нет, не совсем...

– Он малость волновался, что в милицию попадет. То есть, воров не испугался, а нас... Тут есть что-то, надо будет потом подумать. Я, кстати, сначала подумал было, что не он упокоил тех двоих. Ну, говорю же, дед горшком с цветами дал Фиксе по голове. Но бабы сказали, что после того удара Фикса два раза успел выстрелить. А потом вкатился – именно вкатился – этот пионер. Ты понимаешь, так нас учили еще в школе милиции, когда сектор под обстрелом, то кувырком или перекатом преодолевать расстояние и уходить с линии прицела. И этот сопляк поступил, как мастер огневого контакта – он именно вкатился в помещение, чего тот ворюга никак не ожидал. Понимаешь? Он стрелял то ли на уровень взрослого, то ли на уровень головы пацаненка. И если бы тот просто вошел...

– Странно, как мальчик догадался?

– Ну, справки я успел навести. По-быстрому, конечно. Мальчик этот имеет второй юношеский по боксу, правда, его из наших никто не знает – он только в конце лета переехал с Амура...

– Аааа, ну тогда уже понятно...

– Ну, что-то, может, и понятно... Если бы он в драке кому-то навешал. Но, знаешь, даже для амурских босяков, причем, которые будут постарше этого хлюпика...

– Ничего себе, хлюпик...

– Не перебивай... На вид – от горшка два вершка и метр с кепкой в прыжке. Именно хлюпик. Так вот, даже шестнадцатилетний босяк с Амура не смог бы вот так уложить в больничку взрослого стокилограммового дядьку и хладнокровно замочить вора в законе. Ну, скажем про вора – он не знал, но он пошел на бандита с пистолетом, понимаешь?

– Да, тут надо иметь стальные яйца, конечно...

– Или опыт. Или профессионализм. Даже у меня, когда на пистолет пару раз шел, очко играло, а тут... Причем, если бы он промедлил – схлопотал бы маслину в башку сто процентов.

– И откуда у него такие... такое...

– Дык вот не знаю пока... Надо допрашивать... Но одно я знаю точно – сообщников никаких у них не было.

– У кого? У Фиксы с Медведем? – Шарапа остановился и удивленно посмотрел на Красножона.

– Да нет, тьфу на тебя! У пацана и деда! Я думал, что, когда этот пионер выскочил – он на помощь побежал звать. И, может, кто из взрослых мужиков рядом оказался...

– И что?

– И то. Никуда пацан не побежал, понимаешь. Да и не добежал бы – Медведь сразу за ним пошел, догнал бы.

– Не факт.

– Ну, может, и не догнал бы... Но пацан хладнокровно – подчеркиваю – хладнокровно притаился за дверью, подождал, когда этот кабан пропихнется через те дурацкие двери, и, когда тот только-только нарисовался, вьел ему со всей дури по яйцам. А потом – тоже, кстати, ногой – заехал в челюсть. Точно вот сюда, – Красножен показал пальцем себе под левой ухо.

– На себе не показывай!

– Тю, так я ж не ножевое и не пулевое показываю, от удара можно.

– И что дальше?

– А дальше ты уже знаешь – уложил пионер кабана этого и спокойно – я снова подчеркиваю – спокойно покатился в сберкассу. Заметь – он имел полное право и возможность побежать в ближайший опорный пункт, или забежать в гастроном, в парикмахерскую, позвонить, позвать взрослых...

– Тогда бы Мистер Фикс этот сбежал... Кстати, а почему Мистер Фикс?

– Ну, да, тогда бы сбежал... Кликуха эта у Фикса появилась, когда не стальную, как все порядочные воры, а золотую фиксу поставил. Под барыгу закосил. Ну и когда стал вместо папирос сигары курить. Тима, Мистер-Твистер, бывший министр – помнишь, стихи такие были? И башка у этого мистера работал – будь здоров, каждый день придумывал всякие штуки. Столько планов он нам попортил своими планами.

– А, вспомнил, это тот, который инкассаторов семь лет назад взял...

– Он самый. Как раз только-только откинулся, вот и зависал в ресторане.... На свою голову...

Шарапа остановился, снова прошел на свое рабочее место, сел за стол.

– Так, в общих чертах понятно. Точнее, ни хрена не понятно. То, что этот мальчишка Медведя завалил – можно списать на случай. Тот не ожидал, получил сильный удар в пах, потом в челюсть... Если парнишка боксер, то мог попасть...

– Ногой?

– Да хоть головой. Кстати, может он головой как раз его и боднул – экспертизу ведь еще не делали?

– Да, эксперт и врач сказали – по предварительным данным. Рукой этот пацаненок явно так ударить не мог, вот и сказали – ногой. Может, и головой, ты прав.

– Вот. Головой запросто мог уделать. Этот подлый приемчик – Одесса, кстати, называется – мне пару раз довелось прочувствовать. – Шарапа потер сломанный когдато в драке нос.

– Ну, да, я знаю, сам неоднократно применял... – Красножон улыбнулся.

– Понятно... Советский милиционер-уркаган... – Шарапа тоже улыбнулся.

– Так вот, а про то, что было дальше, как-то туманно... Этот маленький Джеймс Бонд хладнокровно одним ударом выбил у Фиксы пистолет и сразу же врезал ему по шее. Вернее, по горлу. Там след остался. И снова – ты знаешь, этот боксер бил не кулаком, а ребром ладони.

– Каратист?

– Хер его знает. Судя по сбивчивым рассказам женщин, они толком не видели, как именно этот боксер упокоил Фиксу. Эксперт сказал, что гематома на шее характерна от удара ребром ладони или кастета. И еще – гематома в височной области. Именно этот удар стал смертельным. Хотя и удар по горлу был, скажем так, неслабым. В общем, пока нет выводов, какой именно удар отправил этого рецидивиста на тот свет, ясно только одно – это был не удар деда горшком по голове.

– Ну, тогда давай так – ты сейчас допрашивай этих двоих героев... Ты не ухмыляйся, не ухмыляйся, они тебе подарили самое короткое в твоей жизни милицейской раскрытие опасного резонансного преступления, помогли задержать преступников и нам показатели по раскрываемости подняли... – начальник Красногвардейского районного отделения милиции нахмурился.

– Ага, герои... я тебе позже кое-что скажу – не обрадуешься...

– Ну, что ты за говнистый мужик такой, Красножон? Всегда на самый на конец какуюто гадость оставляешь!

– Смотря на чей конец... Все-все, молчу...

– Так вот, допроси героев и посмотри их писанину. Пошли своих орлов в школу к этому мальцу, в секцию, где он тренируется этим боксом, будь он неладен...

– Не было бы бокса – не было бы раскрытия и всего этого, – не преминул вставить «шпильку» начальник угро.

– Да я так, к слову. Ну и, конечно, надо было послать за родителями – по закону ты не имеешь права допрашивать несовершеннолетнего. И, кстати, не допрашивать, а опрашивать – он же не преступник какой!

– А, ну, да, конечно, мягкий, интеллигентный, маленький мальчик, гуляя, нечаянно убил одного бандита и покалечил другого. Убийство и тяжкие телесные – это не преступление, это детские шалости...

– Красножон, не будь гавном, а! – Шарапа тяжело вздохнул.

– Все, больше не буду!

– Так вот, даже если бы он намеренно убил кого – по УК он не отвечает. Это тебе не сталинские времена, когда сажали и десятилетних. У нас с 14 лет наступает уголовная ответственность. А парню всего-то двенадцать. В худшем случае должны отвечать его родители. Здесь же классика – самооборона и даже нет превышения, малец с голыми руками попер на пистолет. А у кабана, кстати, что было?

– У Медведя? Нож был, финка здоровенная. Если бы этот выюноша промедлил бы несколько секунд – Медведь бы его покрошил, как капусту – он ножом мастерски владеет. И борец в прошлом. Так что повезло мальчишке...

– Да, нет, сдается мне, повезло как раз Медведю... – начальник райотдела побарабанил пальцами по крышке стола, задумавшись.

– Ничего себе повезло – этот пацан Медведю все яйца вроде отбил.

– А Фиксе – башку. Что лучше – яйца сберечь или башку? Без яиц прожить можно...

– Не думаю, что этот пионер смог бы с этим бугаем справиться... Эффект внезапности... Не больше. Два удара... А дальше бы, если бы не попал... – Красножон пожал плечами.

– Если бы да кабы во рту росли бы грибы – так был бы не рот, был бы огород. Иди, опрашивай, допрашивай, читай показания. Только сдается мне, не простой это мальчик, ой не простой. Судя по твоим рассказам, он вовсе не переживает, что двоих урок уделал. И не боится, что тоже странно... Я бы на его месте обоссался бы...

– Ну, ты бы не обоссался. Ты пацаном начинал еще в войну...

– Так то война была, фашисты... А тут – бац – и на тебе! С пистолетом ни с того, ни с сего... Вон, мой пацан в школе боится местную босоту, говорит, папа, они меня побьют... Кстати, узнай, как он там в школе – говоришь, только пришел, значит, явно терки должны быть с местными... в общем, иди, работай. Да, что ты там за говно напоследок приготовил?

– Да как тебе сказать... Есть две новости, и обе плохие. Правда, одна может быть хорошей, – майор Красножон хитро улыбнулся.

– Давай, не тяни кота за яйца, майор.

– Так вот – дело это у нас скоро заберут.

– Откуда такие сведения?

– Звонили наши «старшие братья»⁵. Дело на контроле у них.

– С чего бы это?

– Каждый день у нас одиннадцатилетние мальчишки взрослых бандитов убивают?

– А, вон оно что... да, это таки ЧП. Но как они так быстро... впрочем, да, сводку они смотрят... Молодцы, ничего не скажешь, оперативно отреагировали.

– Вот-вот. Поэтому к нам комиссия едет из главка.

– Твою мать! Я так и знал! – папка с оперативными сводками снова с силой хряпнулась об стол!

Майор Красножон с максимальной скоростью вылетел из кабинета начальника Красногвардейского РОВД.

⁵ так в милиции называли сотрудников Комитета государственной безопасности СССР (КГБ).

Глава третья. Без прошлого нет будущего. И наоборот

Максим Зверев мог бы очень быстро написал объяснительную – моторика его давно была в полном порядке и с правописанием он давно не мучился. Но он прекрасно понимал – что написано пером, то не вырубишь и топором. Все, что он сейчас напишет, потом будет использовано против него. Неважно, что он – мальчик, которому только недавно исполнилось 12 лет, неважно, что он не подлежит уголовной ответственности, тем более, что и уголовного ничего в том, что он совершил, по большому счету нет – тот же уголовный кодекс гласит, что каждый гражданин обязан предотвратить преступление и все такое. А он, хоть и не имел пока паспорт, но все же – он ведь гражданин? Ну, так получилось, убил он преступника – так это же в пределах необходимой обороны! Тем более – преступник ведь вон какой громила, а он – подросток, хрупкий и хилый...

Но то-то и оно!

Хилый четвероклассник голыми руками убивает одного вооруженного преступника и калечит другого. Кто в это поверит? Вернее, кто поверит в то, что он, Максим Зверев – обыкновенный мальчик? Ну, ладно, в милиции можно напелести с три короба про «испугался» и про «состояние аффекта». Ну, про дедушку порассказать, мол, показал приемы смертельные и заставил выучить. В принципе, на первый раз такое должно прокатить. Любого, даже самого здорового амбала можно внезапно вырубить, если ударить в горло. Тем более, когда он не ожидает, а удар нанести сильный. Например, ногой. И по яйцам тоже если со всего размаха – даже чемпион мира по боксу упадет. Так что, если не попадется в ментовке опытный и битый следак или опер – Максова «залепуха» спокойно ляжет на стол или в папку с докладами по делу и все.

Нет, ну, конечно, присматривать за ним будут, а как же – такой резонанс. Но и мер никаких принимать не станут, еще спасибо скажут. Вспомним того же Владислава Крапивина и его книгу «Мальчик со шпагой». Там, правда, семиклассник был, Сережа Каховский, который преступника с ножом обезоружил. И хотя тот мальчик вместо шпаги в руке имел какой-то дрын, короче говоря, палкой дал подвыпившему рецидивисту по ногам, все равно – прецедент был.

Вот только сравнивать книжного героя и реального умный следак не станет. И там один был урка, какой-то пьяненький вор, а здесь – два матерых бандита, которые пошли на дело. И не ножичек был у главаря, а пистолет. Из которого, кстати, он стрелял. По нему стрелял, по Максиму. То есть, любой мальчишка должен был обосраться на месте и не то, чтобы нападать – улепетывал бы из той сберкассы. А он, Максим, не обосрался, не сбежал, а вначале хладнокровно вырубил одного «джентльмена удачи», а потом пошел на ствол и упокоил второго. Да не случайным ударом, а тремя хорошо поставленными. Опытный опер это сразу поймет. И не отцепится...

Но проблема даже не в этом.

Хуже всего то, что наверняка на это дело обратят внимание в Комитете. Не могут не обратить. Случай вообще неординарный – двух матерых бандюганов со стажем простые граждане завалили прямо на месте преступления. И какие граждане? Старый дед да сопливый пацан-школьник!

В СССР в 70-е годы каждое такое смертоубийство – хоть бандитов, хоть граждан, тем более, работников правоохранительных органов – ставилось на учет! И по каждому работала комиссия из МВД-шного главка. А если вот такое... Тут сразу вмешаются «старшие братья» милиции, как пить дать, вмешаются. И вот они-то начнут потрошить Максима всерьез. И сказками про дедушку-чекиста здесь не отделаешься – все проверят. И про бокс его все расспросят, и тренера притащат, и маму с папой на запчасти разберут. А уж мама все расскажет – и как его постоянно в школах разных лупили, и как на Амуре от местных хулиганов бегал... И

вдруг – бац – в новой школе всех хулиганов на место поставил, на соревнованиях по боксу выделялся... Чем это все объяснить?

Рассказать всю правду? Кто поверит? В психушку ведь отправят! Или в их какой-то институт – исследовать феномен советского школьника...

Короче, надо думать, как все это объяснить!

«Вот ведь, дернул меня черт!» – подумал Макс. – «Нет, понятно, что выхода не было, но можно было на рывок дернуть до ближайшего телефона, вызвать милицию. Хотя нет, могли эти бандюки и пострелять там кого... В общем, ладно, что сделано – то сделано. Надо прорабатывать версию «отмазки»...

Максим начал писать, потихоньку вживаясь в роль советского школьника, пионера-героя, который в трудную минуту собрал все свое мужество и вступил в неравный бой с врагом. Как там пионеры в Великую Отечественную поступали? Леня Голиков, Марат Казей, а Зина Портнова вообще, кажется, стреляла в фашистов. Вроде ей потом звание Героя Советского Союза присвоили... посмертно... Так то ж на войне...

И тут Макс вспомнил, как он, взрослый мужик, приспособивался к войне. Настоящей, не киношной войне – грязной, тяжелой, кровавой... И как ему было очень тяжело...

* * *

Донецк. Год 2015

... Это только в фильмах на войне не страшно. В фильмах, даже если героя убивают, в финале он все равно оживает – типа, только ранили. И совсем не тяжело. Царапина, мол. Также, когда в фильмах героям попадают пули, скажем, в руку, или в ногу, короче, если они получают рану – то все равно и бегают, и стреляют, и вообще, героически сражаются. За Родину, за Сталина. Или за любимую женщину. Или за бабло. Потому что с воцарением в мировом кинематографе голливудских шаблонов понятие Родины и прочих важных тем отодвинулось, и чаще всего киношные герои стали сражаться за деньги.

Но не важно, все равно, за что, только в кино люди, получая ранения, продолжали воевать и все такое. Ну, морщились, орали, даже ругались – но шли вперед, ура и так далее, и тому подобное.

Вы когда-нибудь пробовали ходить после того, как ушибли или, не дай Бог, сломали нечаянно ногу? Смогли бы выполнять какую-то работу по дому, если серьезно резанули палец или, не дай Боже, всю руку? Когда кровь стекать никак не перестанет, а порезанные палец или рука болят? Когда раненой рукой нельзя плотно схватиться даже за ручку сковородки, а раненная нога распухает и не влезает в сандалию. Так это – Бог ты мой –обычный порез. Или ушиб. Или, даже, перелом. А если вдруг пуля задела нерв? А если осколком перебиты нервы связки или сухожилия? А если...

Максим как-то в детстве наступил всей подошвой на гвоздь. Точнее, наступил всей пяткой. И неделю после этого не мог опереться на раненную ногу – ходил как бы на носочке. Нога быстро уставала. Сами попробуйте хотя бы полчаса походить на цыпочках. Судорога вам обеспечена уже через десять минут.

У Макса были и другие травмы. И не только в детстве. Поэтому он прекрасно знал, каково на самом деле бывает, когда человек получает пулевое или ножевое ранение. Сам он имел несчастье получить в свое время и то, и другое. Но если нож, который шел ему в почку сзади, наткнулся на позвоночник и нанес только поверхностное ранение, то вот пулю он получил в грудь справа и чудом только не было задето легкое. Зато было сломано ребро! И целый месяц Макс не то что нормально дышать – в туалет не мог сходить нормально по-большому. Потому что любая попытка тужиться вызывала дикую боль. Как говорится, ни вздохнуть, ни пукнуть.

А уж сразу после ранения он вообще даже двинуться с места не мог – боль была дикая. И выносили его на носилках...

Поэтому смотреть фильмы, где раненные в бою бойцы, как ни в чем ни бывало, бегут, орут и сражаются с врагами, он категорически не мог. По той же причине не мог он смотреть киношные драки – где герои раздают удары направо и налево, а их противники, получив ногой в челюсть, вскакивают и продолжают драться. Хотя в реальности один из десяти таких ударов отправляет в глубокий нокаут любого человека, если он, конечно, не робот.

Сама же драка в таком темпе, как в кино – с прыжками, ударами ног, кувырками и бросками – в реальности продлилась бы максимум минуту. Потому что даже серьезно подготовленный спортсмен через минуту после всех этих цирковых трюков реально бы сдох. Физически. Просто бы выдохся. А если еще в драке крутить всякие сальто, делать фляки и прочие акробатические чудеса, то бой закончится еще раньше. В общем, кино – это для идиотов. В реальности все выглядит по-другому...

Реальная война тоже выглядела совсем не так, как в кино...

Когда Макса обменяли, кстати, совершенно для него неожиданно, он еще даже не залечил до конца свои травмы. Ребра и челюсть зажили очень быстро, буквально через месяц, рука почти не болела – сломана была лучевая кость, а так как руки у Макса были давно набиты, то срослась быстро, а вот ноги... Ноги заживали медленно, потому что у него были повреждены коленные суставы. И он еле двигался на костылях.

Из тюремного госпиталя следственного изолятора СБУ он попал в обыкновенное СИЗО на Лукьяновке, в обыкновенную «хату» – общую камеру, где просидел три месяца. В камере его уважали за то, что был политическим. Тогда еще националисты не были так популярны в местах не столь отдаленных – их было мало, сажали их очень редко, причем, даже за убийства отпускали на подписку, поэтому сидельцы в основном были из уголовников. Вот и относились к политическим достаточно неплохо. К тому же Макс, как журналист, был очень контактным, умел выслушать любого, а что еще людям надо в тюрьме? Чтобы их выслушал хоть кто-нибудь. А если еще и поможет...

Макс помогал, по мере возможности. Все же кое-какой опыт расследований у него был, было образование, знания, а главное – он умел мыслить логически, знал правоохранительную систему и давал многим сокамерникам ценные советы. Кроме того, он придумал, как разнообразить скучный тюремный быт – устроил в камере настоящее ток-шоу – типа шоу Савика Шустера⁶, где были две стороны, были эксперты, а главное – были зрители! Даже охранники приходили смотреть на эти найт-шоу – так как шло оно в основном по ночам. Старший по коридору не был против, старший по корпусу – тем более, мало того – даже начальник караула и дежурный помощник начальника следственного изолятора (ДПНСИ) посещали эти «эфир».

Весело там было, чего уж там!

Темы были разные, чаще всего обсуждали реальные дела – тех, кто хотел, потому что говорить о своих делах на тюрьме не принято. Поэтому дела брались реальные, а герои были вымышленными. Причем, даже «паханы» свои дела давали в разработку – Макс писал на их основе сценарии, готовил «актеров», а потом разворачивалось шоу, которое с интересом смотрели и «авторы» уголовных дел, и все остальные. Особенно интересно было наблюдать, как простые зэки выступали в роли адвокатов или следователей. В общем, пока Зверь сидел в «крытке»⁷, тюрьма просто гудела. А его даже перебрасывали из камеры в камеру, чтобы он и там мог готовить свое шоу.

⁶ Савик Шустер, российский телеведущий, долгое время работавший в Украине, снискавший славу скандального журналиста и продюсера.

⁷ Крытая тюрьма, где отбывают наказание особо опасные преступники, а также место пересылки осужденных на зоны. Помещения камерного типа, в день один час прогулка во внутреннем двореке.

Одного только Макс не допускал – политических тем! Потому что прекрасно понимал, чем все может закончиться. Нет, были попытки, особенно старались так называемые «украинские патриоты», но он сразу сказал «нет». И объяснил и «смотрящему», и тюремному начальству, чем все может закончиться. Маленького, в буквальном смысле, камерного такого Майдана никто не хотел, поэтому в ход шли темы больше бытового плана – измена жены, предатель-подельник, незаконное задержание и так далее. Слава тюремного «Шустера» – а Макс не только писал сценарии, но и выступал в роли ведущего своих «ток-шоу» – росла в геометрической прогрессии. И когда внезапно он попал в списки на обмен, все Лукьяновское СИЗО провожало его буквально со слезами на глазах.

После того, как Макса обменяли, и он попал в Донецк, его долечивали в местном госпитале СБУ, вернее, теперь МГБ – Министерства госбезопасности ДНР. Он быстро встал на ноги и вскоре смог даже делать по утрам пробежки. И вот однажды один из местных МГБ-шников пришел к нему в палату.

– Ну, что, Зверев. Не буду ходить вокруг да около. Справки о Вас мы навели полные, журналист, спортсмен, в общем, боец. А нам бойцы сейчас нужны, тем более, такие.

– В каком смысле? – Зверь не совсем понял смысл слова «боец».

– В прямом. Вы же не будете отсиживаться в тылу, когда идет война. Сами же писали. Я читал Ваши статьи у Вас на сайте...

– Я отсиживаться и не собирался, вообще-то. Правда, я еще не решил, где я буду полезнее... Журналистов у вас, я смотрю, хватает, военкоров, репортеров, вон, российских полно... Вряд ли я здесь смогу что-то новое кому-то открыть.

– Да, Вы правы. В этом плане пока все более-менее. Мы хотели бы предложить Вам должность в разведгруппе. Вы ведь в армии служили в спецназе, так? То есть, навыки диверсионной работы имеются. Плюс, опыт рукопашника, который однозначно пригодится нашим разведчикам. Впрочем, у нас уже воюют мастера Вашего профиля, есть даже один чемпион Европы по кикбоксингу...

– В реальном бою саперная лопатка значит куда больше, нежели поставленный удар рукой или ногой. И быстрее, и эффективнее, и меньше трата энергии, что, опять-таки, очень важно в бою. Это же не ринг, свисток или гонг не прозвучит, а очки не начисляют – только пулю могут выписать.

– Вот я и говорю, вы в прошлом служили в спецназе МВД СССР, краповые береты, одни из первых, кстати, были у вас... И тем более, Вы в сержантской школе проходили ТСП – тактико-специальную подготовку. То есть, знаете основы следопытства, диверсионные методы знакомы, охрана важных объектов... Со взрывчаткой обращаться умеете?

– Вот это – нет. Разминирование изучали, в принципе, то есть, сам принцип поиска взрывчатых веществ, их характеристики изучал, но не более. Остальное да, что-то помню. Но это было давно...

– Ничего, все вспомнится. Надо только Вас на фронте обкатать, да и авторитет не мешает заработать, а потом начнем готовить Вас и Вашу группу уже к работе в тылу противника... Ваше знание украинских реалий, свободное владение украинским очень будут кстати. Есть у нас кое-какие планы...

О планах «особист» так и не рассказал. Видимо, так было надо. Возможно. Имелись виды на журналиста Зверева в качестве пропагандистского удара – мол, известный украинский журналист, воюет на фронте и все такое... Только, видать, не суждено было этим планам сбыться...

«Обкатывали» Максима сурово. Только-только встал на ноги, только, как говорится, мясоросло на ранах, как понеслась душа в рай. Точнее, в ад. Вначале – кроссы, да еще в полной боевой. И хотя бронезилет был америкосовский, современный, то есть, весил намного

меньше, чем когда-то советский армейский, а бегал он не в «кирзачах»⁸, а в берцах, все равно – вначале выматывался он по полной. Немного подогнав «физиуху», Макс стал тренировать стрелковую подготовку. И хотя когда-то в армейке он был лучшим стрелком в полку, сейчас время было другое, оружие другое и тактика стрельбы – тоже другая. Вроде и тот же автомат Калашникова, но более легкий, модернизированный, со всякими прибабасами. Освоившись, Максим снова стал стрелять так же хорошо, как и раньше. Тем более, что были прекрасные приспособления типа коллиматорного прицела, позволявшие стрелять практически не целясь. Хоть и дорогая штука – а очень полезная, особенно для боев в городе.

И все же когда на полигоне он стал выполнять упражнения по тактической подготовке со стрельбой боевыми, он понял, что это уже война, а не цацки-пещки. Потому что, когда он пробежал положенные сто метров и приготовился стрелять по мишени, прямо у него над головой инструктор стал фигачить из РПК. Причем, сам инструктор был в наушниках, а вот у Макса уши сразу свернулись. Но это было только начало. Понятное дело, что от неожиданности Зверь по мишени не попал ни разу. Только-только он привык к выстрелам над головой и стал более-менее осознанно попадать, как стрелять начали уже прямо в него. Точнее, рядом с ним – фонтанчики от пуль плескались буквально в полуметре от его головы. Это инструктор, видя, что просто звук выстрелов подопечного не пугает, стал прицельно палить уже возле головы и рук Зверева.

Точно также «обкатывали» и других новичков, чтобы, так сказать, из необстрелянных гражданских сделать обстрелянных рейнджеров. В принципе, хоть и жёстко, но действительно – уже через пару дней руки у Макса перестали дрожать, он уже не дергался от звуков выстрела и не старался увернуться – инстинктивно – от очередной очереди в упор. Он просто выполнял поставленную задачу. Поразить мишень? Поразил. Перебежка полста метров вправо? Перебежал, занял позицию. Прикрыть огнем напарника? Прикрыл. И так далее.

Кое-какие армейские навыки ему пригодились. И стрельба в поле быстро пошла – мишени он поражал уверенно и на расстоянии, и в упор, когда внезапно инструктор бросал справа и слева от него разные предметы – рюкзак, каску, камуфляж – и кричал: «Противник справа!» и «Противник слева!»

Но в первом же бою оказалось, что все эти навыки, которые действовали на полигоне, не имеют ничего общего с реальным боем. Потому что бои проходили обычно в населенных пунктах. Причем, даже не в городах, а в селах. Вся тактика наступления сводилась к продвижению двумя колоннами, точнее, цепочками из ополченцев вдоль дороги, за одним-единственным БМП или БТР. Причем, шли не по обочине, где могли быть мины, а именно по самой кромке дороги. И при первом же сообщении о появлении противника моментально все забегали в ближайший двор, после чего командиры отделений и взводов, как более опытные бойцы, сразу начинали лупить из подствольников ВОГа⁹ по вероятному противнику куда-то по направлению «в ту степь», изредка получая по радию какие-то ориентиры. Кто там корректировал их огонь, было не понятно.

Популяв в белый свет, как в копеечку, группа снова выползала на улицу и потихоньку шла дальше. Бронетехника медленно продвигалась вперед, иногда грозно поворачивая башню то вправо, то влево. Но ни разу Макс не видел, чтобы танкисты стреляли. Автоматные очереди трещали постоянно, подствольники хлопали, а вот чтобы «работала» бронетехника – этого ни разу не было. Ну, разве что пару раз он слышал, как «щелкали» КПВТ, вероятно, выбивали укров из укрепленных пунктов.

Кстати, один раз с ВОГа⁹ми лопухнулись.

⁸ Кирзовые сапоги, много лет бывшие «на вооружении» солдат Советской Армии в СССР.

⁹ Выстрел гранатомётный ВОГ-25, осколочный боеприпас для подствольных гранатометов ГП-25, ГП-30, ГП-34, РГ-6 «Гном».

Когда стреляли навесом, просто обрабатывая наугад площади, то применяли гранаты, не задумываясь. Никто особо не знал ничего о типе применяемых боеприпасов. Но однажды укровояки, стремительно драпая, выскочили из школы, где был их опорный пункт, на «таблетке», то есть, на машине марки УАЗ, которое некоторые называют «буханкой», а некоторые – труповозкой. Так вот, один из новоявленных рейнджеров», коих было процентов 70, лупанул по ней из подствольника. Как оказалось, у него были не стандартные ВОГ-25, а ВОГ-25П. А поскольку эта граната, в отличие от ВОГ-25, не срабатывает при встрече с препятствием, а разрывается, отскакивая от препятствия, то пострадали не укры, а выскочившие им наперез «рейнджеры» ДНР. Потому что, попав в преграду, ВОГ-25П «подпрыгивает» на высоту 75–80 сантиметров от земли и разрывается, поражая противника сверху, над головой. Укров, конечно, расстреляли из автоматов, но и своих «трехсотых»¹⁰ прибавилось.

Одним словом, повоевав таким образом, походив в цепочках по селам, постреляв из автомата и подствольника, Макс понял, что такая война ему не по нутру. И попросился на передовую, так сказать, попробовать позиционные бои. Точнее, он просто объяснил своим непосредственным командирам, что хочет по-настоящему стрелять в противника, поскольку в армии командовал подразделением снайперов и мог бы применить свои знания и умения не в «зачистках» населенных пунктов, а в реальном бою, где главное умение – это умение поражать живую силу противника.

И вот там-то, на позициях, непосредственно в окопах Максим Зверев понял, наконец, что такое война. И как это на самом деле страшно...

* * *

Днепропетровск. Год 1976.

Вспомнив свое недавнее прошлое, точнее, свое будущее, Максим Зверев, вздохнул и стал писать объяснительную дальше. Как говорится, война войной, а объект – по распоряжку.

«Кстати, это еще вопрос – будет ли все это будущее у меня? И у страны? Может, все-таки, возможно что-то изменить, раз я здесь?», – снова в который раз подумал Зверь.

Но, прогоняя несвоевременные мысли, продолжил сочинять свой боевик о том, как учение дедушки помогло внуку справиться с бандитами.

«Прямо хоть заявку в Союз писателей делай», – ухмыльнулся про себя Макс.

Если бы он знал, какую кашу он заварил и какой разговор произошел сегодня этажом выше, то улыбаться ему бы расхотелось сразу...

А через два дня произошло то, чего он так долго ждал и так боялся...

¹⁰ «груз 200» – убитые, «груз 300» – раненные, военный лексикон.

Глава четвертая. Киборг из нашего города

Майор Красножон оказался прав – «старшие братья» появились очень оперативно. Причем, они даже опередили комиссию из МВД-шного главка. В этом, кстати, даже был плюс – свое начальство любит нервы помотать, да и оргвыводы делает очень быстро. А так – нервы, может, и помотает – но потом. А в данном конкретном случае разгона не было. Просто высокозвездные милицейские гости с ходу переключились на городскую управу, как бы даже не заметив ни Красногвардейку, ни вопиющий случай проявления героизма неизвестным пионером с финалом в виде трупа вора в законе. И если и полоскали мозги, то уже начальнику Днепрпетровского городского отдела внутренних дел. Так что с этой стороны как бы пронесло.

Но начальник Красногвардейского РОВД майор Анатолий Шарапа был битым опером, а также старым служакой и понимал, что такое «из огня да в полымя». И когда вежливый, какой-то весь из себя тусклый молодчик в безукоризненно сидящем костюмчике заглянул к нему в кабинет и спросил свободен ли он, майор понял – началось.

Вслед за «тусклым» вошли еще трое таких же невзрачных, неприметных и неброских. Все они чем-то неуловимо были похожи, хотя и одевались по-разному. Один, как уже отметил Шарапа, был в костюмчике, причем, явно не советского покроя.

«Югославия скорее всего», – опытным глазом черкнул по фигуре гостя майор.

Второй был похож на образцового работягу на выходных – спортивная «олимпийка», серые брюки типа «дачные», кеды. Разве что тонкая папка в руке немного выпадала из сложившегося образа.

Третий олицетворял собой типичного интеллигента – свитер грубой вязки, джинсы, скорее всего, польские, туфли из страны социалистического содружества, а еще – очки в металлической оправе, которые немного выбивали их обладателя из образа, ибо являлись супермодным и даже вызывающим аксессуаром на фоне бесперебойной работы обычных советских магазинов «Оптика».

Но наиболее интересно выглядел, судя по всему, старший группы. Оставаясь таким же неприметным, то есть – очередным слепком классического образа, на этот раз – представителя сельской глубинки, этот четвертый, который зашел последним, неуловимо отличался от своих коллег каким-то незримым, но весьма ощутимым магнетизмом, какой-то скрытой угрозой и, вместе с тем, каким-то магическим обаянием. Такой силой и красотой веет от только что сошедшего со стапелей крейсера или от проходящего по Красной площади во время парада нового танка.

Одежда старшего «старших братьев» была стандартной – а-ля колхозник из деревни Большие Говнюки: затасканная, но чистенькая штормовка, теплый свитер под ней, кепка фасона «Семен Семенович Горбунков», темные вельветовые штаны, туфли на высоком каблуке. Причем, непонятно было – зачем такие-то, ведь росточком этот «колхозник» явно обижен не был. Разве что для того, чтобы в лужу часом не вступить?

Одним словом, как будто нарочно, в каждом из вошедших гостей была какая-то одна неправильность, одна деталь, которая не вписывалась в создаваемый ими образ. И все четыре картинки, которые, видимо, должны были олицетворять четыре разных образа – «работяга», «интеллигент», «колхозник» и «щеголь» – в чем-то одном, как говорится, «не дотягивали» до идеала. Видимо, именно это и не давало всем этим образам стать карикатурными.

Старший группы сразу подошел к столу майора Шарапы, раскрыл перед его лицом свое удостоверение подержал, потом захлопнул и сел напротив. Его подчиненные расселись на стулья, стоявшие вдоль стенки кабинета.

– Здравствуйте. Майор Шардин, Виктор Игоревич. Комитет госбезопасности. Вот мое предписание, – майор кивнул, и «франт» в югославском костюмчике тут же из ниоткуда мате-

риализовал солидную бумагу с печатью, которая волшебным образом внезапно оказалась перед Шарапой.

Майор, не теряя времени, сразу продолжил.

– Вы прекрасно понимаете, по какому поводу мы посетили Ваш скромный райотдел.

– Да уж не дурак, понимаю. Не каждый день пионеры воров в законе «гасят».

– Маленькое уточнение – «гасят» голыми руками. Поэтому мы прибыли к вам из Москвы.

Да-да, наши коллеги нас проинформировали, мы уточнили детали и было принято решение это необычное дело переместить на более высокий уровень. И дело это будет вести моя группа, с вашей помощью, конечно.

– Ну, понятно, драть будут за все нас, а если успех – то ордена повесят вам, – иронично вздохнул Шарапа.

– Ну, зачем же так пессимистично. – улыбнулся Шардин. – Вся ответственность лежит на нас, на Комитете и на мне персонально. К тому же драть вас, как Вы выражаетесь, не за что – вы оперативно прибыли на место, опросили свидетелей, а также самих... гм... фигурантов, приняли все меры к неразглашению, за что наши коллеги из Вашего областного управления КГБ Вам, товарищ майор, чрезвычайно благодарны. И Ваше начальство уже в курсе, думаю, должным образом оценит Ваш профессионализм.

– Ага, оценит оно... – буркнул начальник райотдела, поморщившись.

– Думаю, что, как минимум, благодарность с занесением в личное дело Вы, Анатолий Кириллович, заслужили. Но вернемся к делу. Мы уже ознакомились со всеми документами и частично опросили сотрудников. Кстати, мы еще не беседовали с майором Красножоном. Можно его пригласить в кабинет? Ведь он выезжал на место преступления?

– На место происшествия, – поправил КГБ-шника Шарапа.

– Как, разве убийство...

– Убийство было совершено в порядке необходимой самообороны, причем, при предотвращении простыми гражданами готовящегося преступления. С точки зрения уголовного кодекса, имело место происшествие, хотя, согласен, чрезвычайное, – мстительно процедил Шарапа.

– Ну, хорошо, не будем придирается к словам и спорить о терминах – выезжал на место происшествия. Мы можем побеседовать с майором? – улыбаясь, повторил Шардин.

– Сейчас вызову, он где-то здесь был только что, – ответил начальник РОВД и потянулся к телефонной трубке.

Но Толик Красножон не зря был начальником районной уголовки – он возник в кабинете, как чертик из табакерки, не дожидаясь звонка своего непосредственного начальника.

«Под дверью слушал, стервец», – беззлобно проворчал себе под нос Шарапа.

– Начальник отдела уголовного розыска Красногвардейского районного отдела внутренних дел майор Красножон по Вашему приказанию прибыл!

– Вольно, майор. Не напрягайся понапрасну. Вот, наши коллеги из Комитета госбезопасности хотят с тобой побеседовать, – Шарапа внимательно посмотрел на тезку.

Красножон все понял, еле заметно кивнул и повернулся к «коллегам».

– Здравия желаю!

– Не надо, майор, мы не в самодеятельности, – поморщился комитетчик.

– Я соблюдаю субординацию, товарищ...

– Сказал же, кончай ваньку валять. Я – майор Шардин Виктор Игоревич, мы с тобой в одном звании, равны, так сказать, так что давай, Анатолий, на «ты» и, как опер оперу, поведай о всех странностях этого дела.

– Майор Комитета из главка и майор зачуханного райотдела милиции – это как бы разные майоры. Разные весовые категории, – не удержался Красножон.

– Анатолий, хорош, действительно, что ты за..., – вспыхнул начальник райотдела.

– Все, я понял, извини, шеф, – Красножон не утерпел и все же поддел своего начальника.

– Ну, что же, если на «ты» и как опер оперу... Дай закурить столичных, майор, а то с утра, как бобик в мыле, забегался совсем, дыхнуть никотином некогда, – Красножон прошел в глубь кабинета и сел на один из стульев, которые стояли возле стола заседаний Шарапы, подвинув к себе пепельницу. Но понял, что перегнул палку, поэтому поставил пепельницу на место и устало начал говорить.

– О всех странностях говорить не буду – их тут полон рот. Тем более, я не всех опросил, а главные виновники этого «торжества», как только написали свои объяснительные, сразу же были мною отпущены. Держать их я не имел права – они не совершили правонарушений. Дед всего лишь помог задержать опасных преступников, а пацан... Ну, да, по факту он убил человека, хоть и преступника, но по сути – он предотвратил преступление, а возраст его – 12 лет! Так что при всей строгости советских законов он является неподсудным. Поэтому мамаша его быстренько забрала, хотя, как я понял, она сама ни хрена не поняла... Вообще-то в этом деле все странно – и само преступление, нелепое и я бы даже сказал, еба...тое, и потом это героическое кино, прямо какой-то Бельмондо сплошной. Ну и, что меня совсем уж выбило из колеи – это, конечно же, тот факт, что двенадцатилетний пацан голыми руками кладет двух матерых уголовников. Один из которых – на минуточку – в прошлом мастер спорта по классической борьбе. И оба были вооружены. В результате один в больнице, второй в морге.

– Это все мы читали, в той или иной степени информацией владеем. Не надо распыляться, ты, Анатолий, сразу мне, как опер Расскажи, что тебе, тебе лично показалось странным? Тебе! – Шардин терпеливо и выжидательно смотрел на милиционера.

– Ну, я же сказал – странное все... Ну, сами посудите, пускай пацаненок и боксер, хотя...

– Что – «хотя»? – комитетчик впился взглядом в глаза Красножона.

– Я справки навел – этот боксер боксом занимается всего-то с сентября. Точнее, в местную секцию пришел в сентябре, до этого, как он говорил тренеру, занимался боксом в Москве, где раньше жил, и там вроде второй разряд получил...

– «Вроде», «говорил», – что это за формулировки для опера? – внезапно вклинился в разговор один из комитетчиков, тот, который «косил» под работягу.

– Виталий, не встревай. До тебя очередь еще не дошла, – бросил ему Шардин и «работяга» увял.

– Продолжай, майор. Виталий у нас спец по силовому контакту, он позже тоже кое о чем спросит.

– Да, нет, я понимаю – недоработка, не успел просто все сведения собрать, времени мало было, а у нас все-таки райотдел, а не Главное управление уголовного розыска. Ведь, если по существу, это не наше дело, а 4 управление по раскрытию преступлений, совершенных несовершеннолетними должно озаботится... А я даже агентуру свою напярчь толком не успел...

– А это как раз и хорошо, что не успел – нам пока не надо никакого шума. Сами пока все проясним... Продолжай, майор, – Шардин сделал у себя в блокноте какую-то пометку. Секунду назад в его руке никакого блокнота не было.

– Ну, если абстрагироваться, – Красножон незаметно подмигнул Шарапе, мол, и такие слова знаем, – от всех тех странностей, которые составляют это дело, то есть совсем уж странные странности. Первая – паренек этот на вид совсем не амбал, метр с кепкой в прыжке, но не успел прийти в школу – сразу уделал там всех местных хулиганов. Да как уделал – сплошные нокауты. А потом вышел на свои первые соревнования – первенство района – и показал такой высокий класс бокса, что сам Авдиевский, тренер Виктора Савченко, олимпийского чемпиона нашего по боксу, прибежал на него посмотреть и был в полном восторге. Говорит, что, мол, парнишка этот – гений.

– Это мы тоже знаем. И знаем также, что этот гений успел еще на городских соревнованиях выступить вне конкурса и устроил там, как говорят наши вероятные заокеанские противники, шоу.

– Этого я не знаю, не успел. Я с тренером только немного поговорил и все, – как бы оправдываясь, ответил начальник районного отдела уголовного розыска.

– Поскольку нам это дело вместе отрабатывать, в порядке обмена информацией... Виталий, что у тебя?

Со стула встал тот самый «работяга», открыл свою папку.

– В Москве о Максиме Звереве никто ничего не знает. Да, жил там два года, в пригороде, тренировался в местной секции бокса, но тренер давно уволился и уехал, секции уже там нет. Соседи и друзья рассказали, что Максима тренировал его дед, заслуженный чекист.

– Про деда потом доложит капитан Краснощек, продолжай, Виталий.

– Так вот, насколько серьезной подготовкой обладает объект, пока уточнить не смогли. Уже здесь, местные его контакты – ученики его школы, одноклассники – все они утверждают, что Максим Зверев применяет не только технику бокса, которая, кстати, совершенно не похожа на классическую. Он применяет, скорее, кубинскую или американскую манеру вести бой. Если техника ударов руками, в целом, соответствует технике бокса, то техника передвижений больше напоминает китайское кун-фу или, если говорить профессиональным языком – ушу.

– Укушу? Что еще за борьба такая? – Красножон и здесь не утерпел.

– У-шу. Это китайское боевое искусство, переводится как «искусство воина» или «боевые искусства», можно перевести также, как «военная техника». Одним словом, все, что связано с различными способами и методами ведения боевых действий, как с оружием, так и без него. Есть еще термин Цюаньфа – «кулачные методы» или Цюаньшу – «кулачная техника». Но эти термины употребляются реже, потому что кроме техники борьбы без оружия в ушу есть и спортивно-оздоровительное направление и даже лечебное.

– Ну, да, вон, я вижу, как наш фигурант бандитов враз «вылечил»... Все, молчу-молчу, прошу прощения... – Красножон под взглядом начальника райотдела увял.

Старший комитетовской группы только улыбнулся.

– Кун-фу или гунфу – это всего лишь термин, означающий высшее мастерство, в данном случае – мастерство кулачного боя. Но там дерутся не только кулаками – есть много ударов ногами, локтями, коленями и даже головой, кроме того, есть броски, подсечки и множество болевых приемов. Похожие мы применяем в прикладном варианте борьбы самбо. Для спецсотрудников Комитета.

Виталий сделал паузу и многозначительно посмотрел на своего начальника. Шардин кивнул, и Виталий продолжил.

– Кстати, про удары ногами. Кроме ударов из не совсем классического, видоизмененного бокса в драке Зверев применил удары ногами. Как утверждают его товарищи, которые занимаются с ним в секции бокса, он владеет ногами так же свободно, как и руками, нанося удары по разным этажам – как в ноги и корпус, так и в голову. Техника ударов похожа на японское каратэ, китайское кун-фу, одним словом, это арсенал из восточных боевых систем. Более точно установить пока не удалось, так как на сегодняшний день для Советского Союза это больше экзотика. Китайские и корейские системы боя у нас почти никто не преподает...

– А откуда у тебя такие обширные познания в области китайских видов борьбы, как его – ушу? – Шардин явно был удивлен всезнайством своего подчиненного.

– Так это я у смежников консультировался, в ГРУ. У них, как только начались осложнения с Китаем, некоторые разведгруппы перенацелили на китайские диверсионно-разведывательные группы. А китайские диверсанты – это рота «Ночные тигры», они как раз и занимаются по методике ушу. У них там и передвижения, и дыхание, и, главное – техника ближнего боя, с оружием и без, приемы снятия часовых, взятие пленных, методы допроса... Они там как

начинают вкалывать иголки в разные места – так здоровые бугаи криком кричат... Болевые точки, акупунктура...

– И про это они тебе рассказали?

– Ну, и про это тоже. Ну, и технику ударов и приемов показали, похоже, в общем, на каратэ... Только если техника ударов ногами и в ушу, то есть, кун-фу, и в каратэ в целом схожи, то техника ударов руками в кун-фу намного богаче... Но она не для спорта, а, скорее, именно для диверсантов. Преподавать такое нельзя. А вот каратэ у нас уже преподают, оно в основном сосредоточено в Москве. В нашем МГУ секцию открыл японец – студент Тецуо Сато. Он – чемпион Токио 1967 года по дзюдо. Сато учится в МГУ и одновременно является атташе японской торговой фирмы в СССР. С 1970 стал обучать студентов МГУ и некоторых желающих технике каратэ Сито рю. Филиал его школы имеется в Высшей школе Комитета Государственной Безопасности. Я тренировался у Сато, но о Звереве там никто никогда не слышал, фотокарточку пока не предъявлял.

– Так, понятно, таинственный самоучка-гений... – майор Шардин задумчиво потер лоб.

– Это еще не все, – Виталий кашлянул.

– Да, продолжай.

– Объект занимается не только боксом. Он также занимается борьбой самбо – там возрастные ограничения не такие жесткие, как в боксе. И уже успел выступить на городских соревнованиях, причем, тренер сразу его выпустил на такой уровень без отборочных. И Зверев выиграл все свои бои, причем, все – болевыми приемами, на первых секундах всех схваток. Самая быстрая победа – 7 секунд после свистка арбитра. Вся судейская коллегия была в шоке. Сейчас в федерации самбо идут споры – можно ли присваивать новичку первый разряд. Квалификационная комиссия, которая собралась по этому поводу, провела аттестацию Зверева и пришла к выводу, что у него минимум уровень кандидата в мастера спорта. Одним словом, сейчас там копыя ломают и не знают, что делать, по их словам, Зверев – просто выдающийся случай, вундеркинд.

У меня все.

– А ты сам какой вывод можешь сделать, Виталий? – Шардин с интересом посмотрел на подчиненного.

– Мне надо самому на парня посмотреть. Так, по чужим словам, не понять, ясно одно – кто-то поработал с мальчишкой очень плотно. Возможно, это его дед. Причем, работали с ним с самого раннего возраста. Потому что, судя по тому, что произошло, рефлексы его, моторика – все это на уровне хорошего бойца. Причем, бойца, который обладает не спортивной, а боевой подготовкой. Я могу ошибаться, потому что самостоятельно прорабатывал всю информацию, но в японских школах различных стилей каратэ упоминают о системе подготовки тайных шпионов – ниндзя, и система эта называется ниндзюцу. Так вот, там начинали готовить бойцов практически с младенчества, тренируя боевые рефлексы еще у грудничков. Например, люльку с младенцем методично грохали о стенку, приучая ребенка группироваться. Ну, и различные акробатические упражнения и все такое. К 3–4 годам такие дети не только делали сложные акробатические элементы – сальто, фляки, пируэты, но и обладали выдающимися скоростно-силовыми качествами, а также низким болевым порогом. Во время командировки в Китай в начале 60-х, когда у нас отношения еще не испортились, я наблюдал таких детей в некоторых школах китайского ушу, или кун-фу – если мы говорим о боевом аспекте. Так вот, там совсем маленькие дети показывают сложнейшие удары ногами, да еще и в прыжке, акробатику и падения, которые у нас не всякий мастер спорта выполнит. Я думаю, что с мальчиком могли работать примерно по такой же методике. Ничего выдающегося, в целом, просто начали с раннего возраста.

– Ну, насчет ничего выдающегося... Я думаю, все эти китайские или японские детки вряд ли голыми руками могут грохнуть стокилограммового мужика... Акробатика, прыжки –

это, конечно, зарабатывается, но вот что касается техники ведения реального – подчеркиваю – реального боя, то здесь одной техники и подготовки, пускай и на самом высоком уровне, мало, – Шардин покачал головой.

– Виноват, товарищ майор, но вынужден не согласиться с Вами. Как раз японская школа ниндзюцу и учит, как убивать голыми руками, с самого раннего возраста, – упрямо возразил Виталий.

– Ты скажи – сам хоть одного такого ниндзюцу видел?

– Ниндзя, «ниндзюцу» – это школа... Нет, сам не видел, только читал или слышал, – запнувшись, ответил Виталий.

– Вот, то-то же... Послушаем начальника отдела уголовного розыска, думаю, ему есть что еще сказать, – Шардин рукой показал своему подчиненному, что он может присесть, и обернулся к Красножону, – Продолжай, майор.

Засидевшийся на месте начальник районного отделения уголовного розыска, как ни в чем небывало, вскочил и с места в карьер продолжил прерванную двадцать минут назад мысль.

– Если он и в самбо гений, так он везде гений. Вот и тренер этого мальчика по боксу мне тоже твердил, что этот Максим Зверев – просто гений. Но гений не в технике бокса.

– Вот это уже интересно. А в чем же? – комитетчик удивленно посмотрел на Красножона.

– Тренер говорит, что у парня башка, как у робота соображает – быстро, четко, без промедления принимает верные тактические решения, причем, как раз во время самого боя. И, надо отметить – решения безошибочные и наиболее правильные в предлагаемой ему ситуации. А поскольку это не та ситуация, когда мальчик девочку провожает и не знает, как ее ему поцеловать, то... Ну, как бы это сказать... Поединок, даже спортивный – это экстремальная ситуация. Что самбо, что бокс – там реальные удары, броски, мало не покажется никому, тем более, этому пацану. И если принять во внимание конкретный силовой конфликт, то психика одиннадцатилетнего мальчика больше похожа на психику умудренного опытом серьезного бойца. Ну, скажем, мастера спорта по боксу...

– Или по борьбе, – встрял «работяга» Виталий.

– Или по борьбе, – кивнул майор Красножон. – В общем, психология либо спортсмена, который занимается каким-либо видом борьбы, либо серьезного оперативника, приученного к силовому контакту. У нас такие имеются в городском управлении, я парой слов с ними перекинулся, рассказывал про пацаненка, они даже заинтересовались...

– Да, это интересно, что еще странного заметил? – сделал пометочку себе в блокнот Шардин.

– Самое странное – это даже не тактическое, или, я бы даже сказал, оперативное мышление мальчика – ведь как он здорово все рассчитал...

– Что ты имеешь в виду, майор? – спросил Шардин, прекращая писать.

– Ну как же! Он грамотно вышел за дверь, но сразу рассчитал, что за ним кто-то выйдет, поэтому притаился за дверью, и как только вышел за ним Медведь... ну, тот, второй уголовник, который бывший борец, так пацан его «сделал» с двух ударов...

– Точно с двух? – привстал Виталий с места.

– Точно. Эксперты сделали заключение. Причем, непонятно, чем именно мальчик нанес удары этому амбалу. Удары были сильные, акцентированные, первый в пах, допустим, он мог нанести ногой, а вот второй, в челюсть... Рука у него все-таки слабенькая, одиннадцать лет все же пацану, но он этому урке челюсть сломал. И отключил его надолго...

– Перелом челюсти, если точно попасть, не требует нанесение очень сильного удара, – возразил Виталий.

– Согласен. Но, во-первых, надо еще попасть. И попасть в экстремальной ситуации, с первого... ну, то есть, со второго удара. Причем, парнишка вначале ударом в пах как бы уров-

нял своего противника с собой, то есть, посадил его на жопу, а уж потом дал в челюсть. И вот эксперты говорят, что мог он ему захватить головой. То есть, боднул его и все...

– Если головой, то это или случайно получилось, или он действительно мастер. Попасть так точно головой – это еще сложнее, чем рукой, – ответил Виталий, усаживаясь на свое место.

– Может, головой, может, рукой, а может и ногой. Ребята из секции бокса говорили, что ногами этот Зверев бьет, как кувалдой. Точно, быстро, а, главное, сильно. Показывал там некоторым технику свою, так он в голову пробил удар – того потом всей секцией откачивали. А Зверев, между прочим, настоял, чтобы соперник его шлем одел, говорит, я буду вполсилы бить, но ему хватит...

– Да, я уже весь в нетерпении, надо этого мастера в спортзале прошупать, – пробормотал Виталий.

– Прошупаешь еще, не волнуйся, – кивнул Шардин. – Майор, у тебя еще что-то?

– Ну да, я не закончил еще... – Красножона немного задело, что его перебили. – Кроме оперативного мышления этот Зверев проявил еще и некоторые способности, которых у него, даже если его натаскивали какие-то японские ниндзя, быть не должно. Или, наоборот, если его кто-то готовил в шпионы... В общем, двинулся он, судя по отзывам свидетелей, как специалист по силовому задержанию.

– Вот как? Поясните! – комитетчик даже забыл о том, что он с майором на «ты».

– После того, как мальчик успокоил одного из бандитов, он не просто снова вошел в помещение, он вкатился туда кувырком, сразу выйдя из сектора обстрела – второй уголовник был с пистолетом и Максим каким-то образом понял, что тот будет в него стрелять.

– Да, вот это уже совсем интересно, – кивнул Шардин. – Продолжайте.

– И мальчик не просто кувыркнулся – он точно переместился прямо на бандита с пистолетом, которого за минуту до этого посадил на пол наш второй фигурант, старичок-пензионер...

– Тоже мастер по борьбе или боксу? – спросил с места Виталий.

– Нет, старик хоть и ветеран, участник войны, но не обладает навыками рукопашного боя, разве только в общих чертах... просто цветком в горшке дал по голове урке... Так вот, мальчишка оказался точно сверху упавшего бандита и тремя ударами отправил его на небеса.

– Вот даже как? – удивленно поднял бровь комитетчик.

– Причем, один удар – это он выбил пистолет, а два... Хотя, как сказал мне эксперт, достаточно было и первого удара, чтобы успокоить этого уркагана. Он его ударил, скорее всего, ребром ладони в горло. И, если бы удар наносил взрослый, то такой удар был бы смертельным. Мальчику просто не хватило силы.

– Не хватило силы? Боксеру? Нокаутеру? Не верю... Скорее всего, он бил расчетливо... – снова вмешался Виталий с места.

– Возможно, расчетливо... Но потом так же расчетливо, даже хладнокровно этот боксер ногой шваркнул Фиксу – это кличка рецидивиста – ногой в висок. Да, именно ногой. Насмерть. Сразу. То есть, если бы хотел – он бы и рукой его мог сделать. Иначе зачем добавил ногой? Видимо, как раз силы рук не хватило...

– Удар рукой в горло, скорее всего, мог стать смертельным при любом раскладе – там силы много не надо. Возможно, мальчик вначале просто не хотел бить на поражение, но потом передумал... надо бы, конечно, провести следственный эксперимент...

– Ты, Виталий, остынь. Кто нам даст право на следственный эксперимент с одиннадцатилетним мальчиком? – Шардин перебил своего подчиненного.

– Двенадцатилетним, – вставил Красножон.

– Простите, что?

– Парню как раз через неделю после этого случая исполнилось 12 лет. В начале ноября.

– А... ну, это ничего не меняет, закон у нас один: мальчик несовершеннолетний, все процессуальные действия мы можем проводить только с согласия его родителей и специалистов из сферы образования или как их там... А нам совершенно не нужна какая-то огласка в этом деле.

– Согласен. Я и не собирался лично... – Красножон мстительно посмотрел на увядшего КГБшника. И неожиданно продолжил.

– Я только вот еще что хотел сказать... Мальчик этот обладает хладнокровием настоящего убийцы...

После этих слов в кабинете начальника райотдела повисла какая-то очень уж напряженная тишина.

– Вы уверены? Вы имеете в виду, что у этого Максима Зверева задатки... как там на вашем жаргоне? Мокрушника? То есть – по-Вашему, 12-летний пацаненок может спокойно убивать?... – руководитель спецгруппы КГМ майор Шардин как-то нехорошо посмотрел на местного начальника уголовного розыска.

Но майор Красножон выдержал его взгляд.

– Вы, конечно, товарищ майор, можете мне не доверять, но чувствует мое сердце, это не последние убийства, связанные с этим пареньком...

– Разрешите мне, товарищ майор?

С места поднялся тот самый франт в югославском костюме.

– Что у тебя, Сергей? – вопросительно посмотрел на него Шардин.

– Я, товарищ майор, работал по линии, так сказать, творческой – в свободном поиске. И вынужден Вам доложить, что кроме спортивных способностей у этого чудо-мальчика есть еще выдающиеся способности к философии, а также к истории и литературе. Я говорил с его учителями, с директором школы, а главное – с его товарищами, с одноклассниками. Все они восхищаются Зверевым, правда, по разным причинам. И одноклассники утверждают, что Зверев этот – местная школьная звезда. Не проходит урока, чтобы он... ну, не то, чтобы не сорвал его – он подчиняет учителей своей воле...

– Он что – еще и гипнотизер? Вот же ж на нашу голову свалилось... – это уже не выдержал начальник райотдела Шарапа.

– Я не совсем точно выразился. Он, скорее, подчинял всех своему обаянию и эрудиции, которая у него, как для 12-летнего советского школьника весьма обширная. Он с ходу шпарит не только учебники истории или литературы целыми страницами – он выдает много внеклассного чтения, например, стихи поэтов, которые в школе вообще не проходят. А также исторические факты, которыми на сегодня владеют только специально изучающие эти факты научные работники, причем, не ниже кандидатов исторических наук.

– Так. Спортсмен-вундеркинд-убийца... Киборг какой-то! – подвел итог Шардин.

– Нет, не киборг. У меня есть одна рабочая версия, – улыбнулся Сергей.

Нехорошо так улыбнулся...

Глава пятая. Гений самбо

Макс понимал, что жить, как раньше, после того, что случилось в сберкассе, он не сможет. И поэтому, написав пояснительную записку максимально нейтрально в стиле «шел-упал-споткнулся-очнулся-гипс», как только за ним примчалась встревоженная мама, сразу же уехал домой. При этом постаравшись на словах ничего не объяснять дотошному оперу, который сразу же попытался к прицепиться к пионеру. Но тут уж Татьяна Прокофьевна не дала сынулю в обиду – законы она знала, а когда убедилась, что сын ничего не натворил и даже наоборот – помог родной милиции, сразу стала «качать права».

– Вы не имеете права допрашивать несовершеннолетнего. За него на все вопросы отвечаю! Он еще ребенок! – зычно отшила она милицейского майора.

У Красножона хватило ума не рассказывать воинственной мамаше, что ее ребенок два часа назад голыми руками убил одного и покалечил второго бандита, у которых были не бирюльки в руках, а нож и пистолет. И что ее ребенок мог схлопотать пулю в голову и лежал бы сейчас в морге, если бы...

А вот про это «если бы» опер тем более не собирался рассказывать мамаше. Он тогда сразу понял, чем пахнет это дело. Точнее, воняет. Поэтому Макс был отпущен на все четыре стороны, а мама его оставила все свои координаты – домашний и рабочий телефоны – у майора. Хотя на работу ей позвонить не мог даже милиционер – только на проходную, где его бы переключили на внутренний коммутатор. Секретный завод все же...

Но и сам Зверев толком маме ничего не объяснил, сказал только, что помог задержать преступников, которые пытались ограбить сберкассу по пьяни, позвонил, мол, в милицию... Та поохала, поквохтала, но сына похвалила, поступок одобрила и всячески потом им гордилась. И все ждала, когда его позовут за наградой...

Ну, да, найдет еще «героя» «награда»...

Одним словом, Максим понял, что уже «засветился». Причем, «засветился» гораздо серьезнее, нежели на всех этих соревнованиях. Ну, соревнования по боксу – то была просто проба пера. Только теперь надо показывать себя во всей красе и со всех сторон. Чтобы потом, когда Комитет возьмет в оборот – в чем Зверев не сомневался ни секунды – выложить комитетчикам всю объективную картину. Потому что спортивные умения – это как бы результат удара по башке, просто начнут изучать и так далее. А вот когда он предьявит им не отдельные осколки мозаики, а целую, точнее, цельную картину совершенно другого мироздания... когда начнет предьявлять факты...

«Впрочем, для начала им хватит и моей спецподготовки», – подумал Макс про себя.

Именно про себя.

С себя и надо начинать!

И он начал.

Для начала походил немного на бокс. И хотя после того памятного выступления в ДМетИ он уже стал как бы местной боксерской знаменитостью, ему все равно пришлось, что называется, завоевать свое место под солнцем. Ну, и доказать многим «фомам неверующим», что он по классу самый сильный не только в секции, но и, возможно, во всем городе. А то и в целом Союзе. В своем возрасте и весовой категории, конечно.

Для начала таки пришлось схлестнуться со старшими. И первым «напросился» тот самый Ленья по кличке «Мамонт», который так возмущался, когда Зверь уделал брата Сявы Коромылова. К удивлению Максима, тренер Василенко не возражал, когда Макс попросил разрешения «размяться» со старшей группой.

– Только сильно никого не роняй, они мне еще на республиканских нужны, так что ты нежно с ними, без нокаутов, – попросил он мальчика, пряча улыбку.

– Какой нокаут? Я их поглажу немного, – улыбнулся в ответ Зверь.

– Я щас так тебя сам поглажу – костей не соберешь, – прорычал взбешенный Мамонт, который в нетерпении уже приплясывал на ринге.

Но его ярость, казалось, была в этот день направлена против него самого.

Вы когда-нибудь наблюдали бой тяжеловеса и легковеса? Один большой, сильный, тяжелый, если попадет – то капнут. Но это – если попадет! Потому что «мухач» обычно очень юркий, увертливый, быстрый, легкий, в него попасть трудно. Особенно, если его соперник прилично отстает в скорости.

В боксе для такого поединка есть еще одно спасение – правила. Если не успеваешь уйти от удара, можно сразу входить в клинч – то есть, грубо говоря, повисать на своем противнике. Пока судья не скамандует «брэк» и не разведет боксеров. Макс порой специально тупо повисал на Мамонте, стараясь всем весом своим пригнуть того к настилу ринга. Как все перекачанные «бычки», Леня уже к концу второго раунда заметно выдохся, заманавшись бегать по рингу за шустрым новичком-вундеркингом. А если учесть, что тот регулярно обрабатывал сопернику корпус и пару раз весьма чувствительно «достал» печень, то Мамонт уже начал понимать, что попал не в свою игру.

В третьем раунде Зверь перестал играть в кошки-мышки, и пошел в атаку. Но не в лоб, а со своими финтами и обманками. Пойдя как бы под дальнюю правую руку Мамонта, практически подставив свою голову под удар, как только этот удар вылетел, моментально зашагнул сопернику за спину, немного толкнув в спину перчатками. И когда тот, уже окончательно взбешенный, повернулся, чтобы наказать наглеца, Макс, в свою очередь провернувшись на 360 градусов, влупил по пузу Мамонта хороший апперкот, снизу-вверх, по классике. Тот спустился на помост ринга, как порванная камера велосипеда...

– Печень еще никто не смог закачать. Кстати, и мозги, чтобы ты знал, тоже не качаются, – сказал сверху вниз Зверь, возвышаясь во все свои «метр с кепкой в прыжке» над поверженным «Голиафом».

– Это ты к чему, выскочка? – недовольно спросил красавчик Олег Каркач.

– Это он к тому, Олежка, что думать надо не только, как девку очередную в постель затащить, а и о том, как двигаться в ринге, как уклоняться, как прессинговать. И как выигрывать умом, а не тупой силой, – ответил уже Василенко.

– Щас я выиграю, запросто! – самодовольно заявил Каркач, и полез под канаты.

Тренер только хмыкнул.

Увы. Несмотря на ощутимую разницу в весе и росте, а также довольно приличную технику бокса вариант «Том и Джерри» снова повторился, правда, уже не в таком смешном варианте. Каркач был, конечно, быстрее своего кореша, но поймать быстрого Макса он тоже не смог. Тем более, что на этот раз Зверев был гораздо осторожнее, не шел на размен, а руками бил хоть и реже, но сразу намного жестче. Первый же пропущенный «свинг» от Макса пришелся Олегу точнехонько в нос. Да так сильно, что у того даже вылетела капа. И дальше весь бой прошел под диктовку «мелкого». А во втором раунде Макс показал свой коронный прием из тайского бокса, о котором здесь, конечно же, никто не слышал – он нанес удар рукой в прыжке прямо в голову своего соперника. Тот рухнул, как подкошенный, причем, не столько от силы удара, сколько от неожиданности. Ну и вес тела даже худенького одиннадцатилетнего пацана – это все-таки тридцать килограмм живого веса, как ни крути. Попробуйте поймать летящий на вас, скажем, мешок с картошкой? Удержите? А если этот мешок с картошкой еще и даст вам по носу?

– Ну, ты же обещал? – Василенко встревожился, выскочил на ринг и склонился над своим питомцем.

– Не переживайте – я бил не сильно, просто весом сбил с ног, там нет ничего. Это кубинцы так умеют, показали после тех соревнований, – безмятежно улыбаясь, ответил Макс.

- Да уж, ничего – а шнобель? На свидание сегодня собирался... – промычал Каркач.
- Девушки любят героев. Расскажешь ей, что хулиганов разгонял, – парировал Макс.

После этих спаррингов уже никто не претендовал на корону Максима Зверева в «Авангарде». Слух о маленьком Мухаммеде Али разнесся по всем секциям бокса Днепропетровска. В трест №17 еще пару раз приходили весьма уважаемые и титулованные боксеры, но, постояв «в парах» с «вундеркиндом», сразу безоговорочно принимали его уровень, понимая, что познакомились с чем-то совершенно необычным и даже уникальным. Один из мастеров спорта, мощный и техничный Коля Власов из Запорожья даже жаловался после очередного спарринга с Максом:

– Этот пацан мельтешит в глазах так, что я его просто теряю. Не успеваю реагировать на него, а тут – бац – мне в дыню прилетает. И неслабо так прилетает! Никогда бы не подумал, что такой сморчок так может отоварить! Эй, пацан, ты там часом подкову не прячешь в перчатке? – со смехом тронул он Макса за перчатку.

– Нет, только наковальню, – отшучивался Макс.

«Видел бы он Васю Ломаченко, так вообще бы выпал в осадок», – подумалось тогда Звереву.

Но на боксе ему быстро надоело. В полную силу спарринговать не хотелось, да и был риск самому отхватить серьезный удар, он ведь все же по-настоящему боксером не был. И поэтому не собирался испытывать судьбу с серьезными соперниками. Все-таки, 12 лет и вес тощего цыпленка... К тому же, через некоторое время боксерская братия каким-то образом прослышала про его подвиг в сберкассе. Да и результаты его спаррингов впечатляли. Поползли слухи. Некоторые просто стали побаиваться с ним становиться пару... К тому же за спиной еще пошли нехорошие разговоры – некоторые боксеры водили дружбу со шпаной. А уж там после убийства вора в законе страсти кипели нешуточные. Шел передел территории, да к тому же после такой нелепой непонятки ворам пришлось собирать «сходняк».

Впрочем, эта проблема еще только назревала и до Зверя пока не дошла. И даже днепропетровская милиция пока не связывала внезапную активность местного воровского мира с четвероклассником Максимом Зверевым. Хотя было понятно, что гибель вора в законе, да еще такая нелепая, без внимания главарей криминального мира не останется...

И когда в Днепропетровск внезапно прикатил Елисеев Аркадий Захарович по кличке «Бешенный», 1930 года рождения, уроженец города Запорожье, ранее дважды судимый по Указу от 4.06.47 года и по ст. 140' УК Украины, уголовный розыск города на Днепре напрягся в ожидании перемен... Причем, перемен не к лучшему. Потому что Бешенный всегда приезжал в Днепр, когда пахло жареным...

Но всего этого Максим Зверев пока не знал...

Когда ему стало как-то не совсем уютно в боксерском зале, он перешел к борцам. Но не к вольникам, которые занимались в этом же зале треста №17. По совету тренера борцов, Василия Степановича, Зверь пошел сразу в секцию самбо при обществе «Динамо». Динамовская школа самбо была в городе самой сильной. Впрочем, не только в городе – в стране в целом. К тому же, поскольку общество «Динамо» на самом деле было МВДшным, как, к примеру, ЦСКА – армейским, то, соответственно, прекрасно снабжалось. Это выражалось и в наличии хороших залов в городских центрах, и в обладании хорошим инвентарем, и в оплате сборов, а также постановке на довольствие перспективных спортсменов. Ведь талоны на питание обычно получали только члены сборных команд или спортсмены не ниже мастера спорта СССР. А в «Динамо» такие талоны выдавали и перворазрядникам, и тренерам и даже массажистам. Да, в динамовских сборных даже областного уровня были массажисты. Не все могли себе такое позволить, например, «Трудовые резервы» или «Авангард» могли зачислить в штат массажиста только в сборную республики.

В самбо Макс Зверев тоже очень быстро сделал карьеру.

На первой же тренировке он убедил тренера позволить ему контрольные схватки, причем, с борцами, которые занимались более трех лет. И, конечно же, очень быстро всех их, что называется, «деклассировал». То есть, быстро и качественно поборол. У тренера просто челюсть отвисла. После чего он развил бурную деятельность и уже через неделю Никиту пожелали посмотреть тренера сборной города. После чего единогласно вундеркинда выставили на чемпионат города. Как раз по календарному плану все совпало.

Конечно же, на городском первенстве в возрасте Макима не было ни единого спортсмена, кто мог бы составить ему конкуренцию. Но Зверь решил, что если уж показывать себя – то во всей красе. Поэтому все свои пять схваток – столько было в его весовой категории – он провел в режиме «блиц». Побеждал он одним и тем же приемом – рычаг локтя. Вот только делал он его сразу же, как только начиналась схватка. Исполнение этого приема из стойки называется в самбо «висячка» – выглядит этот прием очень эффектно и проводится молниеносно. Зверь мог себе это позволить, ибо имел в своем прежнем теле не один год тренировок в спортзале.

Выглядело все со стороны очень странно – не успел судья давать команду к началу и свиснуть в свисток, как Макс хватал руку своего соперника и запрыгивал ногами ему на корпус, падая при этом на спину головой ему прямо под ноги. Пока тот падал, не ожидая такого рывка, Зверев махом ноги – то левой, то правой, в зависимости от того, какую руку соперника захватил, переводил свою ногу через голову соперника и помещал ему прямо на шею. И все это происходило в момент падения его соперника вперед вбок. Во время этого падения Макс, упирая ноги в корпус соперника и его голову, просто переворачивал того на спину, при этом продолжая фиксировать на своем корпусе захваченную до прыжка руку. А там уже и болевой – рычаг локтя.

Дело в том, что в такой комбинации этот прием проводили обычно только мастера спорта, ну, кандидаты в мастера. А вторые и даже первые разряды старались проводить эту «болячку» только в партере, во время непосредственной возни на ковре, когда выдавался удобный момент. Макс же проводил болевой за секунды – самая быстрая победа была достигнута за семь секунд. Да еще такая лихость с этим прыжком – в зале просто ревели от восторга, когда он одним и тем же, но очень эффективным приемом повалил всех своих соперников один за одним. Причем, последние уже знали эту его манеру и старались сразу контратаковать, не давали руки, уходили от захвата – ничего не помогло. Зверь просто менял тактику, один раз даже не прыгал, а просто сразу, захватив-таки руку, поставил ногу на бедро соперника и только потом сделал мах ногой. Вернее, даже не мах – он просто потянул соперника на себя, упав на спину, а когда тот все-таки стал падать, обвил своей ногой его шею и завершил прием.

Триумф был полный...

Понятное дело, что соревнования Максим выиграл и, после долгих споров на уровне сначала городской, а потом и областной Федерации самбо ему присвоили сразу первый разряд – явление для новичка исключительное. Но его победы говорили сами за себя. Несколько раз тренеры приглашали «гения самбо», как окрестили Макса – по аналогии с японским фильмом «Гений дзю-до» – на свои тренировки. Тогда еще не было такого понятия – «мастер-класс», просто просили Макса показать технику. Не потому, что она была необычной – ту же «висячку» все знали и применяли, но, чтобы новичок, да еще и на соревнованиях, да во всех схватках, да так быстро... Прием эффективный, но мало кто применяет его на соревнованиях – рискованно... Проще применить рычаг локтя в партере, уже после броска. А тут... Вот и просили показать, ведь само исполнение у Зверя было нетипичным для самбо. Еще бы! Ведь Макс пару раз применял технику не из самбо, а из бразильского джиу-джитсу или грэплинга – видов борьбы, которые появились уже в 21 веке.

Зверев не стал выдавать все свои секреты, но еще парочку приемов показал. Например, переход на «гильотину» из стойки, так называемую «лампочку». Оказывается, этот прием самбисты не знали.

«Еще не знали», – про себя подумал Макс.

Его этому приему научил как раз тренер по самбо.

– В дзю-до есть много удушающих приемов, например, хадака джиме¹¹, используется он и в дзю-до и самбо, но в спортивном варианте его применение запрещено. Есть удушающий отворотами кимоно – окури эри джиме¹², но принцип один и тот же – сдавливание сонной артерии. Есть и вариант удушения ногами, который в дзю-до называется санкаку-джиме¹³. Можно сделать это удушение проще, прием называется «треугольник», его применяют в джиу-джитсу. Этот прием эволюционировал из дзю-до – там он называется до-джиме¹⁴ и душат ногами из положения сзади противника. В спортивном поединке не применяется. Поэтому те техники, которые я показываю – это не спортивная техника, а боевая, – предупредил Макс.

– А где ты этому научился, пацан, – спросил один из тренеров.

– Места знать надо, – попробовал отшутиться Зверь.

Но, заметив недовольные взгляды и предвидя новые вопросы, продолжил:

– Дед у меня еще с самим Харлампиевым тренировался. И Спиридонова тренировал. Чекист у меня дед был. Почетный...

В общем, «лампочка» пошла на «ура», тем более, что классический самбистский прием «переворот с упором ноги в живот» был очень схож с этим приемом. А вместо той же «гильотины» можно было применить переход на рычаг локтя – достаточно было только после захвата шеи обратным хватом «уронить» соперника, перевернуть его и сразу атаковать его руку. Точно так же были восприняты все четыре варианта «висячки» – приема, известного в самбо. Просто обычно применяли два варианта – с запрыгиванием и с сваливанием соперника вперед на себя. А вот грэплинговский вариант с простой постановкой стопы или колена на бедро или корпус соперника никто не додумался применить. Еще бы – этот вариант был придуман в начале 21-го века.

Точнее, будет придуман...

Зверь не стал сильно уж демонстрировать свои борцовские навыки, тем более, что он всегда был больше ударником. Но пару прикладных техник показать все же пришлось. Например, показывая выход в партере из-под наваливания соперника он сделал рычаг плеча с заломом руки за спину. Поэтому показал этот же прием, но в стойке. Краем глаза он заметил, как несколько тренеров перешёптываются в сторонке. И – как в воду глядел...

– Слушай, парень. Давай к нам, в УВД придешь и еще раз покажешь некоторые приемы – уж больно интересная у тебя... у твоего деда то есть, техника, – огромный лысый мужик лет сорока возвышался над щуплым Максом, как Годзилла.

«Персонаж не из этого времени», – машинально подумал Зверь по поводу Годзиллы.

– Я не против, почему бы и нет. Вы через неделю позвоните мне на домашний, я немного тут учебу запустил – надо подтянуть... – дипломатично ответил Максим.

¹¹ Удушающий прием Nadaka Jime или удушение плечом и предплечьем. Выполняется при подходе сзади, с захватом руками шеи противника, без использования захватов его одежды. Воздействие плеча и предплечья руки на шею усиливается другой рукой или иным способом. Этот захват и удушающий прием могут выполняться не только при подходе сзади, но и сбоку и даже спереди. Удушающий прием «хадака джиме» является универсальным для всех видов, стилей и школ боевых искусств. Он выполняется как правой, так и левой рукой. Возможны различные варианты завершения удушающего приема и взаимодействия обеих рук. Использование головы повышает эффективность применения «хадака джиме». Этот удушающий захват известен также под названием «гильотина».

¹² Прием Okuri Eri Jime или удушение воротом петель. Выполняется при подходе к противнику со спины. Захват выполняется за разноименные отвороты кимоно или одежды. Вторая рука выполняет вспомогательные функции.

¹³ Прием Sankaku Jime или удушение ногами треугольником, выполняется из положения сзади соперника или, как сейчас принято называть, из положения бэк маунт (back mount) или «удержание со спины».

¹⁴ Прием Do Jime или удушение ногами, скрестно охватывая, зажимая и воздействуя на грудную клетку. Выполняется в партере, из позиции сзади и спереди. В отдельных случаях, этот удушающий прием ногами дополняется удушающим захватом или приемом руками. Запрещен к применению в спортивном поединке по дзю-до.

Одним словом, в МВД, считай, он уже засветился. В принципе, Зверь осознанно проявил часть своих талантов, потому что решение было принято – «органы» должны были помочь в его реализации. Но пока что милиция его особо не донимала. По крайней мере, после того случая в сберкассе он ничего такого так и не заметил...

Как оказалось, зря...

Глава шестая. Звезда четвертого «Г»

Милиция Зверева вроде не трогала. Так, маму один раз вызывали в райотдел, расспрашивали про сына... Ну, тренера по боксу допрашивали. И все.

А вот КГБ, судя по всему, уже шел по пятам – появился один такой лощенный фронт в школе, выспрашивал что-то у директора и учителей, к друзьям Макса пару раз подкатывал. Но так, чинно-благородно – все думали, что Максимом интересуются из-за его спортивных достижений. Еще бы – юный чемпион, да еще и школьных хулиганов приструнил.

С хулиганами вообще получилась смешная история.

Одна из проблем, которая серьезно донимала Зверева – это отсутствие денег. Заработать он их не мог – ведь маленький еще, украсть – тем более, где тогда его принципы? Воров прибил, не дал украсть, а потом сам пошел воровать? Все остальные чисто «бендеровские» относительно честные способы отъема денег тоже не подходили ввиду отсутствия нужной квалификации. Кооперативов в конце 70-х в СССР легальных почти не было, а спекулировать-фарцевать Макс, даже зная технику дела, не стал бы ни за какие деньги!

И вот тут в его голову пришел хитроумный план...

Хотя хулиганы и попричихали в школе после Зверевских методов воспитания, но шпаны с рабочей окраины хватало. Поэтому и гривеники у мелюзги отбирали, и азартные игры процветали... Ну, как азартные? Играли ведь не на деньги, хотя деньги в ходу были. Играли на... крышечки. Маленькие такие крышечки, от пива и сидра. Но это – если простые. А были и с рисунком, зеленые такие – от минералки. И совсем уже редкие, дорогие – от «буржуинских» напитков. От «фанты» и «пепси-колы».

Сама игра была простой. Через два года – сейчас был только 1976 год – в фильме «Уроки французского», снятого по рассказу Валентина Распутина, покажут принцип этой игры. Правда, тогда, в послевоенные годы, играли на деньги. Сейчас за такую игру можно было загреметь, как минимум, на учет в милицию. А вот на крышечки играть было можно – не на деньги же. Правда, тот факт, что эти крышечки в школе «ходили», как местная валюта, мало кому был известен. То есть, мало кому из преподавателей.

Правила были такие: каждый ставил на кон свою крышечку. Они собирались в один столбик и с расстояния метров десять кидалась бита. Битой надо было попасть в столбик. Правда, редко кто попадал, обычно биты падали рядом. Кто ближе всех к столбику, или к «базе» приземлил свою битку, тот первым и разбивал. Задача – перевернуть все крышечки картинкой вверх. Тогда он их забирал себе. Первый же промах – наступала очередь следующего игрока.

Каждая крышечка имела свою цену. В школе был так называемый внутренний валютный рынок. Например, очень редкая крышка от пепси-колы стоила 10 крышек от минеральной воды «боржом» или 20 простых – от пива или лимонада. А крышечка от бутылки с кока-колой «тянула» уже на 15 крышек «боржом» или 30 простых. А уж если попадала супер-редкая крышка от чешского пива «Праздрой» или еще какого зарубежного пойла – то там уже были вообще заоблачные суммы.

Естественно, все это «добро» продавалось и за советские денежные знаки. Ну, не за рубли, конечно – за копейки. Простая крышечка обычно была на бутылке. А чтобы ее заиметь, естественно, надо было купить бутылку с напитком. Ну, пиво детям не продавали, а лимонад стоил 22 копейки. Причем, сдав бутылку в пункт приема стеклотары, 12 копеек можно было себе вернуть. Потому что столько стоила пустая бутылка. Исходя из этого крышечка от лимонада стоила 5 копеек. Можно было порыскать возле гастрономов – там валялись такие крышечки около мусорников. Но таких крышечек было до фига, и они почти не ценились.

Совсем другое дело – напитки «буржуинские». Или советские, но для элиты – например, лимонады с крышечками «заяц» и «волк», выпущенные после выхода в свет знаменитого

мультфильма «Ну, погоди!» Всякие «фанты» и «колы» в продаже не бывали, их привозили или из Москвы, или из-за «бугра». Еще эти напитки были в дорогих ресторанах или у детей партийных руководителей, которые получали продукты из спец-распределителя.

Одним словом, «валютный» рынок крышечек в школах «работал» на полную катушку. И, естественно, были и «барыги», обладавшие коллекцией этой «валюты», и игроки, имевшие свой «капитал». Во время игры редко жульничали, и не было случаев, чтобы кто-то кого-то «раздевал» – отнимать у игрока крышечки считалось по школьному кодексу «не в жилу». А вот после игры... Крышечки и отнимали, и воровали, и спекулировали ими. Заядлые игроки покупали их, «спуская» не только мелочь, отпущенную мамами на завтраки в школьном буфете, но и все свои карманные деньги. Ну и конечно, имел место банальный «рэкет» – то есть, вымогательство, как крышечек, так и денег, у слабых и беззащитных.

Зверь сразу понял, где пахнет деньгами. Поэтому пару раз как бы невзначай оказывался у школьных туалетов. Там, как правило, происходили «разборки» с «валютой». После первого же такого «разбора», на котором совершенно «случайно» оказались его старые знакомые Тришка и Дикий, они быстро покинули территорию школы с отличительными признаками насильственных действий на лицах. А Макс пополнил свой капитал и в денежном, и в «валютном» эквиваленте. Так сказать, экспроприация у экспроприаторов. Или законы научного коммунизма в действии.

Очень быстро он снискал славу школьного Робин-Гуда, а когда с ним попытались разобратсья два восьмиклассника по наводке Дикого, то Зверев не стал с ними церемониться – в короткой стычке одному здоровому лбу он сразу сломал руку, а второго отправил в глубокий нокаут, сделав всего два удара – один в корпус, второй – ногой в челюсть. Потом выяснилось, что этот восьмиклассник по кличке Горилла получил еще и перелом двух ребер.

Максима, конечно, повели к директору, но он от всего отпирался, а никто из свидетелей его не «сдал». Директор, конечно, выговор ему сделал, но, как говорится, не пойман – не вор.

– Эх, Зверев-Зверев. Я же просил тебя по-человечески – не превышай свою самооборону. Просил ведь? – Василий Кириллович устало снял очки и стал протирать их замшевой тряпочкой.

– А какое превышение, Василий Кириллович? Два здоровых лба, восьмиклассники, нападают на одного хлипкого четвероклассника, ломают ему руки, бьют. Я что – должен спокойно ждать, пока они меня инвалидом сделают? – взгляд Макса был невинен, как у младенца.

– Вот только не надо мне тут из себя невинную овечку разыгрывать. Чемпион города по боксу, чемпион города по самбо, ага – хлипкий и беззащитный, – директор даже опешил от такого откровенного хамства.

– Против лома нет приема, Василий Кириллович, у нас весовые категории разные и двое против одного. Да они меня затоптали бы просто, – не сдавался Зверь.

– Ну, да, тебя затопчешь, как же, – Василий Кириллович улыбнулся. – О тебе в школе легенды уже ходят. Да что там в школе – весь город гудит! На, почитай!

Директор положил перед Максом газету «Днепр вечерний», где на первой полосе красовалась его, Макса, фотография, видимо, из семейного альбома. А сверху крупными буквами было выведено «Безумству храбрых поем мы песню!»

«Вот ведь журналисты, уже раззвонили», – раздосадовано подумал Макс.

В заметке, правда, всей правды не рассказали, видимо, в милиции им дали только кусочек информации, но уж «подвиг пионера» газетчики расписали от и до. Конечно, про то, как Зверь «завалил» одного и уложил на больничную койку другого бандита, слава Богу, не сообщили. Но и тот факт, что он, Макс, не испугался, а «сбив с ног преследовавшего его бандита, вызвал милицию» о многом мог сказать понимающим людям. Директор был понимающим.

– Мне тут товарищ из милиции рассказал, что тот преступник, которого ты сбил с ног, был с центнер весом. Так что не надо мне тут про весовые категории рассказывать, ладно? – взгляд директора вдруг стал жестким.

– Василий Кириллович, там было совсем другое дело – я просто подножку на выходе ему поставил, а пока он валялся, сделал ноги. А тут меня сразу возле туалета подкараулили и стали бить, я даже сделать ничего не успел, честно, – Макс продолжал «валять ваньку» – а что еще оставалось.

– Ничего не успел, говоришь? Ну, да, всего-то одному руку сломать, другому челюсть и два ребра.

– Вот не надо все на меня! Руку тот бугай сам себе сломал, когда падал, я просто увернулся, а он поскользнулся, возле туалета всегда скользко. А тот, второй идиот сам головой долбанулся, я всего лишь подсечку провел. Ну откуда я мог знать, что у него с равновесием так плохо? Мне что – надо было свою челюсть подставить, да? – Макс сыграл возмущение.

– Я не эксперт, и не видел, как все было. Мне достаточно результата. На тебе – ни царапины, а эти двое в больнице. Как это они тебя били, интересно? Подушками? – директор откровенно издевался.

– Били кулаками, просто я уклонялся, блоки ставил, и на мне все заживает, как на собаке. Что мне вам – плечи показать? Там синяки есть, – Макс демонстративно снял пиджак и рубаху, показал плечо.

– Мда, действительно, есть кровоподтек. Ну, ты и на тренировке мог...

– Я на тренировки сейчас не хожу, мне учебу надо наверстывать, запустил много, – Макс был просто Тимуром без команды.

– Ладно, Зверев. Ты мне зубы не заговаривай. Я понимаю, что добро должно быть с кулаками, но у тебя больно кулаки здоровые. Ну, не здоровые – проворные. Ты мне так половину старшекласников по больницам заставишь ходить – тот тебя ударил, тот не так посмотрел. Словами надо воспитывать, а не кулаками. Мозги ведь у тебя есть, и неплохие – так чего из других эти мозги вышибать? Заставь их работать! Все, иди, и чтобы больше никаких гладиаторских боев! А то я тебе устрою подавление восстания Спартака, будь уверен!

– Василий Кириллович, тогда вы мне охрану дайте, или как-то предупредите, чтобы ко мне не лезли. Я физиономию под их кулаки подставлять не собираюсь, – Макс уже реально разозлился.

– А персональный автомобиль тебе не надо дать? А, может, отдельную персональную школу? Или нет – персональных учителей прямо на дом? Уйди с глаз моих, а то я тебе сейчас персональное собрание назначу. По обсуждению твоего персонального поведения! – теперь уже разозлился директор.

Макс решил исчезнуть, чтобы не доводить его до греха. Мало ли, а то еще устроит «разбор полетов»...

Но все обошлось. Слава Максима гремела не только по всей школе, но уже и по всему району. И о его спортивных успехах, и о его разборках с урками узнали все. Ну, про разборки было как-то туманно и загадочно. Но все знали о том, что Макс схлестнулся с серьезными ворами и один дал отлуп сразу двум «законникам». Хотя подробностей никто не знал, такие вещи без внимания не оставались. А на районе все знали про то, как Макс успокоил ватагу Саньки Косого, а также отлупил в школе самых задиристых босяков. После таких подвигов только полный отморозок мог попытаться схлестнуться с Зверем – так его прозвали в школе. Кличка быстро стала популярной и вскоре никто Максима иначе ни в школе, ни на районе не называл.

Но популярность Макса была не только спортивно-прикладная. Да, с одной стороны он стал как бы неформальным лидером, и эдаким школьным арбитром во всех спорных валютно-игровых моментах. К его помощи и поддержке прибегали в спорных вопросах мальчишечьих,

точнее, «пацанских» разборках, что, кстати, также приносило ему небольшой доход. Одним словом, вопрос денег – карманных денег – уже был решен. Конечно, надо было думать о том, как добыть более серьезный капитал, но пока что на свои нужды он мог не выпрашивать мелочь у папы с мамой.

Да и сколько там ему было нужно для счастья? Велик у него был, на мороженное и конфеты хватало, да и неприхотлив Макс был в еде. Одежда его не волновала – ходить в «джинсе» не было нужды, одним словом, как в «Золотом теленке», тратить деньги ему в эпоху развитого социализма было не на что. Про те траты, когда счет идет на сотни и тысячи, он пока не задумывался. Были другие проблемы.

С одной стороны, отношения и с одноклассниками, и с другими школьниками, а также с пацанами во дворе и на районе у него сложились вполне паритетные. А вот с преподавателями в школе... С одной стороны, на фоне своих спортивных побед и установлении локальной справедливости в пределах одной школы, Максим Зверев одних преподавателей в себя влюбил. Но в то же время дико раздражал других.

Те учителя, которым нравилась их работа, были без ума от юного вундеркинда – от его эрудиции, знаний, умения рассказывать и такой здоровой наглости. Им даже импонировал тот факт, что Макс совершенно не боялся ни их, ни уже закрепленных в учебнике сведений по тому или иному предмету. Историк Михаилу Семеновичу Зверев как-то выдал цитату Ленина «Марксизм – не догма, а руководство к действию!», чем окончательно завоевал сердце строгого, но справедливого «препода».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.